

ИЗНАНКА

МАКС ИГНАР

Макс Игнар

Изнанка

<https://litres.ru/74324258>

SelfPub; 2026

Аннотация

Смерть — это бюрократический процесс. Пока ты не откроешь не ту папку.

Москва, 2024 год. Разломы Изнанки стали обыденностью, а Пробуждённые — штатными сотрудниками РПРФ. Игорь Козлов — старший регистратор. Три года он ставит печати, оформляет справки о гибели охотников и заучивает статистику смертей. Его ранг — «некласс», боевой ценности — ноль.

Но однажды из-за ошибки в системе Игорю падает закрытый архив отдела «Нить». Всего одна папка с грифом «Совершенно секретно» — и случайность превращается в закономерность. Девять точек на карте России. Идеальная геометрия Разломов. И восемнадцать месяцев до того, как барьер между миром живых и мёртвых рухнет навсегда.

Игорь не Витязь и не Маг. Он некромант, класс официально не существует. Чтобы остановить катастрофу, ему предстоит вести свою войну: без санкции РПРФ, без поддержки гильдий, рядом с мёртвым охотником, которого он поднял из небытия, и предателем, чья вина измеряется двенадцатью жизнями.

Древние боги проснулись.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	61
Глава 8	70
Глава 9	75
Глава 10	85
Глава 11	92
Глава 12	103
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Макс Игнар

Изнанка

Пролог

Деревня называлась Усть-Вяжь. Кощей не помнил, когда в последний раз спрашивал название места: названия принадлежали живым, живые нуждались в них, чтобы знать, откуда они и куда возвращаются, а мёртвым возвращаться было некуда, и потому названия становились ненужными очень быстро — это была одна из первых вещей, которую понимал каждый, кто переступал порог, понимал и переставал беспокоиться об этом навсегда. Но деревня называлась Усть-Вяжь. Кощей знал это, потому что в ней было триста двенадцать душ, потому что она стояла на излучине Волги к востоку от Казани, и потому что Мор пришёл сюда осенью 1924 года по причинам, которые никого из тех, кто принимал решения, не беспокоили. Деревни такого размера умирали за одну ночь при правильном Море, и эта умерла чисто. Кощей стоял на берегу и смотрел на огонь. Мог погасить, но огонь был уже неважен — важные вещи заканчивались раньше, чем люди успевали это осознать, а Кощей понимал это за них: три тысячи лет были достаточным сроком. Души поднимались к нему торопливо — как всегда поднимались в

первые минуты: испуганные, растерянные, не успевшие понять, что страх принадлежит живым и что эта привычка им больше не нужна, — Кощей принимал их молча, потому что слова живых в такие моменты были всегда одинаковыми, а одинаковое ответа не заслуживало. Навь принимала их мягко: за порогом страх уходил быстро, потому что держаться за него не было смысла, мёртвые понимали это сами, — он повторял себе это три тысячи лет. Последней пришла молодая женщина. Кощей заметил её ещё когда она умирала: умирала медленнее остальных — крестьянка лет двадцати пяти, с руками работника и лицом человека, который не ждал этого конкретного вечера. Умирала от нежелания, что было редкостью даже по меркам трёх тысяч лет. Она остановилась в двух шагах от него и подняла руку. Протянула её мимо него, мимо берега, мимо догорающих изб — в темноту над водой, туда, где не было ничего, кроме ночного воздуха и запаха дыма, и сказала: — Я ещё не готова. Говорила в темноту, не ему, — и темнота не ответила, а Кощей, сопроводивший миллионы душ, стоял и слушал. За всё время ни одна из них не была готова — ни одна. Это был известный факт, который он знал так же хорошо, как знал имена каждого из своих капитанов, как знал геометрию девяти нексусов, как знал — с точностью до десятилетия — когда Мара закончит то, что начала: ни одна из них не была готова, и все они уходили, и все переставали бояться, и Навь принимала их без жестокости, потому что Навь не знала жестокости — только порядок. И всё же что-то

в этих словах застряло. Память у него работала безупречно. Дело было в чём-то другом, в том, для чего у Кощея не было названия, потому что нужда в нём до этого момента не возникала. Он взял её, как положено, правильно, без жестокости и без задержки, проводил туда, куда провожал всех остальных, и убедился, что всё сделано как должно. Развернулся и ушёл. Ночь над Волгой была тихой — такой, какой только может быть ночь после того, как все, кто наполнял её звуками, ушли куда-то, где звуки стали другими, — и Кощей шёл по берегу, потому что думать было необходимо, а это он всегда делал чётко, даже когда не хотел. Навь совершенна; мёртвые не боятся; им не нужна надежда — и это доказывает правоту Великого Схождения, потому что если мёртвым лучше, чем живым, то смерть есть благо, значит, то, что делает Мара, есть благо, а значит, тысячелетия верной службы были правильными: эту цепочку рассуждений он знал наизусть, а прошедшие годы не оставляли места для сомнений. Он прошёл её снова — медленнее, чем обычно. И впервые за долгое время — не верил собственным словам до конца. Кощей остановился у воды. Волга была тёмной, глубокой и совершенно безразличной ко всему происходящему — как и полагалось реке, пережившей достаточно. Из всех миллионов душ, которых он провёл, он не помнил ни одного имени — имена принадлежали живым, а мёртвым они были больше не нужны. Он помнил только: Я ещё не готова. Молодая женщина из деревни Усть-Вяжь, протянутая рука, темнота, ко-

торая не ответила. Навь умеет принимать всё — страх, усталость, незавершённость. Всё это она забирала быстро и без усилий, и мёртвые переставали нуждаться в надежде, потому что надежда — это инструмент тех, кто ещё может потерять, а мёртвые ничего не теряют, — потому им лучше. Он верил в это тысячи лет. Кощей поднял руку — повторив жест девушки, — и медленно опустил: никто не видел.

Глава 1

Восемь сорок семь, понедельник, январь. В московском отделении РПРФ пахло мокрыми куртками, казённым кофе, старым линолеумом и тревогой. Запах тревоги у Пробуждённых имел свою химию — что-то острое, немного железистое, — и после трёх лет за стойкой Игорь её распознавал без усилий, так же, как распознавал ауры: краем внимания, автоматически, информация. В очереди сидело одиннадцать человек: двое тихонько рыдали, пожилая дама читала журнал с таким видом, будто пришла за справкой в ЖЭК и рассчитывает уйти через десять минут, а парень лет семнадцати держал телефон двумя руками и смотрел в экран, не видя ничего. Восьмым в очереди стоял человек с аурой, которая светилась не так. Аура Прозорца обычно оседает на второй–третий день, когда тело привыкает, способность находит границы, а синяя или серая пульсация выравнивается в ровное свечение — но у этого выравниваться не стала: мерцала короткими, резкими вспышками, как лампочка с плохим контактом. Игорь посмотрел на жетон — буква Z, вчерашняя дата: на вид двадцать с лишним лет, крупный, с плечами Витязя, спавший явно недолго. Людям с такой аурой лучше не ждать в очереди сорок минут. Он просидел сорок три — и только тогда встал. — Вы не понимаете, — сказал он негромко, ровным голосом — таким, какой бывает у че-

ловека, прошедшего панику насквозь и вышедшего с другой стороны, туда, где кончились силы на интонацию. — Никто из вас не понимает — вы загнали меня сюда, дали бумажку с буквой, вы... Он ударил по стойке-разделителю — металл лязгнул, стойка качнулась, пустой стул у окна съехал на полметра, а в очереди кто-то коротко, испуганно вскрикнул. Аура вспыхнула белым, горячей, почти обжигающей волной, и Игорь почувствовал её на коже — как солнечный ожог через стекло. Охранник у двери сделал шаг вперёд, рука пошла к кобуре. Игорь встал из-за стойки, вышел в общее пространство и остановился в трёх шагах от парня. — Это первый раз, когда вы чувствуете собственный предел, — сказал он. — С клеткой это путают часто. Парень смотрел на него. Аура дёрнулась ещё раз и начала оседать — не сразу, но начала. — Садитесь, — сказал Игорь. — Я вас приму следующим. Охранник опустил руку, парень сел, а кто-то в очереди тихо выдохнул — Игорь не стал смотреть, кто. Он вернулся за стойку и взял следующее дело. Мужчина напротив него рыдал уже двенадцать минут. Тридцать пять лет, широкоплечий, с руками работяги, жетоном Z на шнурке и глазами человека, который спал ровно час за двое суток, — аура у него была стандартная для свежего Прозорца, ровная серо-синяя, без скачков и тёмных затяжек по краям, и Игорь считывал её так же, как видят краем зрения уличные знаки: информация без усилий. Двенадцать минут — это немного: в октябре двадцать второго была женщина из Химок, чей

муж пробудился за неделю до этого и не вернулся из первого же выхода, и она проплакала пятьдесят семь минут прямо перед стойкой, пока Игорь сидел напротив и молчал, потому что говорить было нечего, а молчать он умел — это было его оружием. — Прозорец, — повторил мужчина, справившись с собой. — Это нормально? — Двадцать семь процентов всех Пробуждённых, — ответил Игорь. — Начальный боевой уровень: малые Разломы, в группе. Есть гильдии с открытым набором. — Я могу записаться сегодня? — Может, но запись и принятие — разные вещи: большинство гильдий рассматривают заявки три–восемь недель, и в этот период работать нельзя. — Совсем? — В официальной системе. Про неофициальную я вас не проинформирую. — Почему? — Уровень гибели в первые полгода — шестьдесят три процента. — Он дал цифре лечь на стол. — В официальной: без группы, первый год — сорок один, в группе от четырёх — восемнадцать. По Москве чуть хуже, здесь Разломы плотнее. Мужчина молчал, глядя на цифры так, как смотрят на то, во что не хочется верить, но деться некуда. — Понятно, — сказал он наконец. — Спасибо. — Пожалуйста. Повторный приём через четырнадцать дней, список аккредитованных гильдий — направо по коридору. Мужчина встал и ушёл. Игорь взял следующее дело. Следующим в очереди был Колесов. Максим Колесов, двадцать один год, Витязь-Прозорец, пробуждение восемь дней назад — аура живая, подвижная, как у молодых Витязей бывает в первый месяц, пока тело при-

выкает к тому, что в него добавили, а рюкзак он держал двумя руками, чуть вперёд, как перед стартом, — Игорь заметил это ещё в очереди. — Я хочу в охотники. Самому, без гильдии — сделать имя, найти группу по ходу. Люди же так делают? — Делают, — согласился Игорь. — Давайте по математике. — Я умею считать. — Отлично. Независимый Витязь-Прозорец зарабатывает на малом Разломе восемь-двенадцать тысяч в день, из них двадцать восемь процентов — налог РПРФ, двенадцать — обязательная страховка за свой счёт, а на руки выходит около пяти с половиной в лучшем случае. Если работать пять раз в неделю без выходных и без простоя из-за закрытия Разломов, выходите примерно в ноль — до снаряжения. — Снаряжение я... — Снаряжение стоит взять. — Игорь не повышал голос. — Дальше: сорок один процент гибели у Прозорцев без группы в первый год. Если бы вы и четверо ваших друзей сделали одинаковый выбор, двое из вас не вернулись бы — данные реестра за прошлый год. Рюкзак сполз набок. — Двое из пяти — это сорок, — сказал Колесов. — Статистическая погрешность, — ответил Игорь. — Средневзвешенное по выборке. — А. — Колесов опустил рюкзак на пол, потёр ладонью затылок. — Что посоветуете? — Моя работа — регистрировать. — Игорь поставил печать. — Но если спрашиваете: «Щит» набирает Витязей до конца месяца, три недели обучения, первые три выхода — с куратором, смертность в первый год — семь процентов. Колесов встал и ушёл — без прежней лёгкости в шаге.

К половине шестого поток иссяк. В кабинете пахло едой — Петрович принёс что-то в контейнере с прилипшей этикеткой «завтрак», которую он почему-то не снял к трём часам дня, и Лена прочитала ему лекцию о запахах в рабочем пространстве, а Петрович ответил ей ровно одним аргументом: он здесь восемь лет, и раньше никто не жаловался, — хотя оба знали, что это неправда, и оба это проигнорировали, потому что это был привычный фон, под который Игорь работал так же легко, как под любой другой. В пачке административных документов лежала папка из закрытого архива. Три года назад при плановой реорганизации базы данных кто-то по ошибке включил категорию «старший регистратор» в список получателей исторического архива отдела «Нить», и ошибку не заметили — потому что из девятнадцати старших регистраторов московского отделения ни один ни разу не открыл ни одного файла «Нити», а папки приходили автоматически, раз в год, не чаще. Игорь об этой ошибке не знал: он просто иногда получал такие документы и читал их, потому что три года назад дал себе слово читать всё, что попадает на стол. На обложке стоял гриф: к ознакомлению, порядок 4-В. «Историческая аномалия, действий не требует» — стандартная пометка для дел, которые не вписывались ни в одну категорию, но и тревоги формально не заслуживали: прочитай и забудь. Штамп на папке был трёхлетней давности — словно её забыли в каком-то шкафу и только сейчас нашли. Он открыл её. Нулевой Разлом. 2004 год. Подвал жилого дома,

Большая Ордынка, 17. Игорь прочитал дату ещё раз. 2004 год. Первый официальный Разлом в России — 17 марта 2019 года, над Большим Устьинским мостом, и это дата из любого учебника, из любого вводного инструктажа. До неё — ничего, после — всё. Этому документу было двадцать лет. Он читал вдумчиво, с расстановкой — старая привычка историка, выученная ещё до реестра: текст говорит дважды, и второй раз всегда точнее. В правом углу обложки, под поверх-штампом РПРФ, проступало выцветшее: Управление специальных операций ФСБ России, гриф «Совершенно секретно» — кто-то из «Нити» после 2019 года прошёлся по старому документу и переформатировал его в стандарт реестра, добавил категории, выровнял структуру, вписал привычные термины, и именно поэтому эта папка выглядела как обычный охотничий отчёт и именно поэтому оказалась в общем потоке. Разлом диаметром около метра, одиннадцать дней, восемь выживших из четырнадцати — монстры не зафиксированы, аномальная активность внутри зафиксирована, характер не классифицирован, Разлом закрылся сам. Четырнадцать человек в 2004 году — не охотников, охотников тогда не существовало, как не существовало Пробуждённых, РПРФ и самого понятия Разлом. Туда отправляли сотрудников ФСБ — когда не знали, что туда отправлять. И потом — показания единственного очевидца, давшего полный отчёт, с инициалами «В.К.», без расшифровки. «Фигура появилась на третий день. Человекоподобная. Неподвижная.

Стояла в центре объекта и смотрела. Не перемещалась. Не угрожала. Не производила звуков. Стояла и смотрела. Освещение внутри объекта вело себя аномально — свет шёл не оттуда, откуда должен, — черты лица определить не удалось. Но я точно помню одно. Она смотрела на меня. Не в мою сторону — как раз на меня. Как смотрит человек, который тебя знает. Животные так не смотрят. Животные реагируют на движение и на тепло. Это смотрело — и узнавало.» Игорь прочитал абзац дважды, закрыл папку и посмотрел на стол. За три года в реестре он прочитал несколько тысяч отчётов — охотники разного уровня, разные Разломы, разная добыча, разные потери, монстры убивают, монстры преследуют, монстры реагируют на группу или на одиночку, — и всё это фиксировалось с методичностью, которую государственная система умела поддерживать, когда хотела. Ни в одном из этих отчётов не было слова «узнавало». «Узнавало» задержалось. Главным была первая строка: 2004 год. Он открыл папку снова. В метро было набито, как всегда в половине седьмого, и Игорь стоял, держась за поручень, и смотрел в тёмное стекло перед собой — серые глаза, трёхдневная щетина, усталость, которая к этому часу уже была частью лица, — пока поезд шёл через тьму под Москвой, а за окном не было ничего, кроме бетона и редких служебных огней. Он думал про фигуру в Разломе, которая стояла и смотрела с узнаванием. Просто смотрела. В.К. умер через две недели после того, как дал показания: официальная причина — сердечная

недостаточность, а было ему двадцать девять. Игорь вытащил телефон: по адресу Большая Ордынка, 17 в открытом реестре значилась строительная фирма, основанная в 2005 году, все пятеро учредителей — бывшие сотрудники ФСБ, а лицензия продлевалась исправно каждые три года. Жалоб нет, интереса нет — просто офис в подвале того дома. Просто офис — через год после того, как там закрылся Разлом. Поезд остановился на его станции, Игорь вышел, поднялся в январский московский холод и прошёл три квартала до дома. Придя домой, он поставил чайник, сел за стол и открыл базу данных отдела «Нить». Оказалось, таких папок было ещё четыре.

Глава 2

Раньше всех он пришёл в начале апреля двадцать второго года. Тогда ещё не было официального уведомления — только чат охотничьей группы в мессенджере, где кто-то написал «Владивосток, Северный, не выходит на связь», и этого хватало: Игорь пришёл в полпятого утра, сел в темноте и ждал, пока не настало время открыть систему и принимать документы от тех, кто приедет позже, а потом провёл за стойкой весь день. Потом он узнал, что Ольга была там. Он убрал воспоминание туда, откуда достал, — здесь и сейчас оно было бесполезным; дисциплина в том и состоит, чтобы давать им это понять вовремя. Было 6:47, охранник Семёнов поднял голову от стойки, кивнул — Игорь скользнул взглядом по его ауре: ровный серый, почти без пульсации, человек давно привыкший ни к чему не удивляться — и вошёл. Снял пальто, включил свет в кабинете. Коридор в этот час пах дешёвым дезинфектором, нагретым металлом батарей и кофе с соседнего этажа. Открыл ящик стола: папка лежала там, где он её оставил. Нулевой Разлом. 2004 год. Шесть страниц показаний. Он читал не торопясь — быстрое чтение это чтение слов, а ему был нужен смысл. Первый лист — заглавная справка: гриф «Совершенно секретно», номер дела, дата, адрес объекта — Большая Ордынка, 17, подвальное помещение, продолжительность аномалии — одиннадцать

дней. В нижнем правом углу стоял штамп, нанесённый явно позже оригинала: «РПРФ/НИТЬ, входящий документ, 2021» — папку передали в архив уже после создания Реестра, и добровольно или под давлением, папка не говорила, но то, что штамп поставлен не с момента оформления дела, само по себе было информацией. Первый свидетель: оперативник ФСБ, тридцать два года, восемь лет в структурах. «Фигура появилась на третий день. Стояла в центре разлома — в точке, где показания приборов были максимальными, — и не двигалась. Человекоподобная. Тёмная. Расстояние — около двадцати метров. Черты лица неразличимы. Она смотрела на меня. Не в мою сторону — именно на меня. Как смотрит человек, который тебя знает.» Второй свидетель: оперативник ФСБ, двадцать семь лет, четыре года в службе. «Она не двигалась. Восемь дней стояла и не двигалась. Я несколько раз выходила и возвращалась. Она каждый раз смотрела на меня — не на место, где я стояла, а на меня. Отдельно.» Он отложил второй лист и взял третий, четвёртый, пятый, шестой. Шестеро — разный возраст, разный стаж, разный профессиональный словарь, но в каждом протоколе повторялся один и тот же абзац, только сформулированный по-разному: фигура смотрела на каждого из них персонально, по очереди, а не на группу и не на место, где они стояли. Шестеро разных людей вписали одну и ту же деталь в протоколы независимо друг от друга: либо все они в разное время испытали одинаковую галлюцинацию, либо фигура действительно видела их по от-

дельности. В двадцать четвёртом году у Игоря за плечами было три года отчётов по существам Изнанки, и ни один из них не описывал ничего подобного: кикиморы умеют копировать поведение, морок-волки вгоняют в страх, полудница задаёт вопросы до тех пор, пока не получит ответ — всё это реакции, пусть и сложные, но ни одно из задокументированных существ Изнанки не приходило ежедневно, не стояло часами и не смотрело на каждого человека в отдельности, будто знало их имена, — если не считать существа, которое умеет думать. Он дочитал шестую страницу, перевернул — и обнаружил седьмую: нумерованную, без регистрационного штампа, только инициалы «М.И.» в конце. Кто-то вложил этот лист уже после оформления папки или до того, как её начали оформлять, — разница принципиальная. Текст написан мелко и быстро, так пишут, когда не хватает ни места, ни времени: «Оно приходило каждые сутки. В одно и то же время — около трёх часов ночи. Стояло до рассвета. Мы научились не подходить к краю разлома в эти часы — не потому что оно угрожало, а потому что очень трудно находиться рядом с тем, что смотрит на тебя так, будто ждёт. Будто ты должен что-то сказать или сделать — и не делаешь. На одиннадцатый день разлом закрылся без предупреждения. Оно не ушло. Оно исчезло вместе с разломом. Или внутри него. Или это одно и то же.» Игорь перечитал последнее предложение ещё раз: «или внутри него, или это одно и то же». Закрыл папку и открыл рабочий терминал. Иногда, в паузах между

очередями, он думал о том, как выглядело бы это место с другой стороны стойки. Рязань, май двадцать первого. Он вышел из продуктового с молоком и в течение следующих примерно двадцати секунд оказался на асфальте — Разлом над трамвайным кольцом расширился без предупреждения, не вспышкой и не звуком, просто квартал качнулся, будто кто-то на мгновение подменил физику на что-то чуть другое, а потом передумал, и волна аномальной энергии накрыла зону. Из двенадцати человек, оказавшихся поблизости, к вечеру пришли в себя все, а двое из них Пробудились. Игорь понял это через информацию: фельдшер скорой, склонившийся над ним, светился — бежевый фон, жёлтые прожилки, тревога вперемешку с профессиональной усталостью в привычной пропорции. Игорь тогда ещё не знал, что это называется Зрением Изнанки, — просто смотрел на свечение и думал, что у него, вероятно, сотрясение. Сотрясения не было. В РПРФ ему присвоили ранг Нечуй, класс — Некласс, с единственной задокументированной способностью: Зрение Изнанки, пассивное, — он видел ауры Пробуждённых и истинный облик монстров там, где обычный человек видел только темноту, но не имел ни физического усиления, ни боевых навыков. В официальном документообороте напротив ранга Нечуй стояла отдельная строка: «боевой ценности нет» — редко когда казённая формулировка бывает настолько точной. Пять гильдий — пять отказов. В «Авангарде» хотя бы взяли на собеседование — судя по всему, чтобы убедиться

лично. — Способность следопыта, — вербовщик листал дело, не глядя на Игоря. — Нам как раз следопыты нужны, но... — он помолчал, перевернул страницу, — берём с Ведуна. Страхочный риск. Вы, наверное, понимаете. Игорь понимал. В «Родине» прислали автоматический отказ, а в трёх других — примерно одно и то же: вежливое разочарование, иногда неловкий совет насчёт вспомогательных должностей, и подтекст, который Игорь читал в аурах без труда: Нечуй с одной пассивной способностью — это балласт, с тебя нечего взять. Шесть недель спустя он сидел напротив начальника кадрового отдела московского РПРФ — человека лет пятидесяти пяти, с аурой серо-голубой, ровной: привыкший работать без лишних эмоций. — Пробуждённый историк, специализация — восточнославянская мифология, — кадровик смотрел в экран. — Аспирантуру бросили? — Да. — Причина? Правдивый ответ занял бы несколько минут: он включал в себя март девятнадцатого, первый Разлом над Москвой и семинар на кафедре, с которого Игорь ушёл в середине занятия, потому что стало очевидно, что диссертация о сакральной географии восточных славян только что перестала быть академическим упражнением, — и пустой коридор факультета, по которому он шёл и думал, что аспирантура это вопрос «что было», а то, что происходит снаружи — это вопрос «что есть». Второй вопрос был интереснее. — Изменились обстоятельства. — Ясно. — Кадровик наконец оторвался от экрана. — Пробуждённый получает расширенный

допуск к базам. Историк умеет работать с документами. Нас устраивает. Вас? — Да. Он вышел из кабинета с трудовым договором в руках, не пытаясь анализировать, что именно чувствует: иногда лучше просто зафиксировать факт — через три дня он сядет за стойку, и это будет не то, что он представлял себе три года назад, читая первоисточники по Нави в читальном зале МГУ. Зато теперь он читал другие источники. Одна ошибка в правах доступа при реорганизации базы данных открыла ему отдел «Нить» — полностью и сразу, и он не сообщил об этом никому: три года читал, каждый рабочий день, в промежутках между очередями и документами, — сначала из любопытства, а потом это стало чем-то другим, для чего он пока не подбирал слова. Папка с Нулевым Разломом была одной из первых, до которых он добрался, и одной из немногих, которую он перечитывал. Запрос к базе по Разломам Мора занял четыре минуты: у запроса были пределы допуска, координаты Разломов Мора входили в частичный доступ, а уровень потерь — уже нет. Он работал с тем, что было. Одиннадцать Разломов Мора за пять лет: три — с неполными данными (закрытые территории, сибирские участки, сведения обрезаны по административному контуру района), восемь — с конкретикой. Он взял карандаш и начал ставить точки на бумажной карте — медленнее программного инструмента, но точнее: рука замечает то, что глаз пропустит на экране. Первые четыре — рассеянные, ничего; пятая и шестая легли близко; седьмая — Якутск; восьмая —

Астраханская область. На девятой точке он остановился, положил карандаш, посмотрел на карту и взял линейку. Девяносто минут спустя в кабинете пах холодный кофе. На карте — восемь дуг и девять точек, лежащих на этих дугах с точностью, которой не бывает у случайных событий, не бывает у стихийных бедствий; у природных аномалий встречается кластеризация, да, — но с такой геометрией, с таким шагом. Игорь был историком по образованию, не математиком, но история — это работа с пространством и временем одновременно, а три года в реестре добавили к этому статистику и карты. В реестре эти места значились как точки Разломов Мора. Для него — как совсем другие места: из диссертации, которую так и не защитил, из семинарских работ по сакральной географии восточнославянского пространства, из карт, которые тогда накладывались на другие карты — мифологические, фольклорные, топонимические, — места, где барьер между мирами исторически был тонким, там, где Навь подходила ближе к Яви, если верить источникам, которым он верил с оговорками: как любой нормальный историк, делал скидку на жанр. Он снова взял карандаш и быстро, пока держала та часть памяти, которая три года хранила незащищённую диссертацию, вписал рядом с точками: Якутск — Ленские столбы. Сакральное место эвенкийской и якутской традиции. Астраханская область — устье Волги. Нижний мир в восточнославянской традиции. Навь собирается у воды. Два имени — он написал их и остановился, посмотрел на осталь-

ные семь точек. Карандаш так и остался в руке. Девять точек на карте, геометрически точных.

Глава 3

На третий день после того, как он нашёл папку, в семь сорок восемь утра на экране рабочего терминала мигнул красный значок — он работал с четырёх, и кофе из автомата к этому часу успел остыть, что было закономерно, поскольку горячим он и так не был. Игорь посмотрел на значок, потом на карту, лежавшую в ящике стола — карандашные дуги, девять точек, пометки на полях, — потом снова на экран: тревожное уведомление РПРФ не мигало для красоты. Он открыл его: Лабиринтный Разлом, класс 3, адрес — Замоскворечье, Большая Серпуховская, район жилого квартала у второго двора, расстояние до ближайшего аккредитованного Пробуждённого с действующим служебным пропуском — четыреста метров, задача — прибыть на место, обеспечить передачу координат группе МЧС, застрявшей у оцепления. Козлов И.А. — ближайший. Он посмотрел на карту ещё раз, на девятую точку, на адрес в уведомлении, закрыл её в ящик, надел куртку и взял ламинированный пропуск со стойки — тот самый, который три года пролежал в кармане пальто без единого применения в полевых условиях, — и вышел. Охранник Семёнов проводил его взглядом и ничего не сказал. Оцепление выставили быстро — МЧС в Замоскворечье работало без лишних движений, потому что Замоскворечье давало практику, а местные прозвали этот квартал «Дырова-

тым» по причине прагматичной: Разломы здесь появлялись с частотой, позволявшей жильцам нижних этажей держать тревожный чемодан у двери, аренда — на сорок процентов ниже среднегородской. Игорь предъявил пропуск, его пропустили, и дежурный офицер — капитан, широкоплечий, с планшетом в руках и выражением человека, который сегодня уже третий раз объясняет одно и то же разным людям, — показал схему эвакуации. Три красных коридора на листе: первый — через подвальный переход под первым двором, второй — через лестничную клетку Б (третий этаж), третий — наружный, по внешней стене здания. Две группы выживших гражданских внутри; охотничья группа вошла двадцать минут назад, связь потеряна. Игорь взял схему и посмотрел на Разлом. С улицы он выглядел как чёрный провал в воздухе над вторым двором — матовый, с плавными краями, как разрыв в ткани, без мерцания, без серебра. Класс — лабиринтный; РААНИ официально называла такие «структурно нестабильными», а неофициально — «везёт, если выйдешь». Зрение Изнанки включалось без усилий — три года с пометкой «пассивное», оно было как боковое зрение, как различение запахов, — и Игорь смотрел на Разлом и видел то, чего не было на листке с тремя красными коридорами: аномальная энергия шла по конкретным руслам — сконцентрированная, направленная, как кровь по сосудам, — и запах у неё был металлическим, почти железным, насыщенным. По тем самым трём коридорам. Игорь посмотрел

на схему. Монстры используют энергетические концентрации как охотничьи тропы — это было в базовом учебнике РПРФ, который он прочитал в первый рабочий месяц: высокая плотность аномальной энергии означает высокую концентрацию тварей, и три тысячи отчётов, которые он лично видел, подтверждали это. Группы выживших вели прямо к этим потокам. — Три коридора, — Игорь указал на схему. — Все три идут по зонам максимальной концентрации энергии. Там сейчас — — Козлов? — Офицер посмотрел на пропуск, потом на Игоря. — РПРФ, связной. Значит, данные по зрению — субъективная оценка, без верификации. — Он забрал схему. — Передайте охотникам, когда выйдут, и отойдите за ленту. — А если не выйдут до того, как гражданские пойдут этим маршрутом? Офицер убрал планшет под мышку. — За ленту, пожалуйста. Игорь посмотрел на чёрный провал над вторым двором. Из семисот сорока трёх охотников, которых он зарегистрировал за три года, Лабиринтные Разломы убивали шестьдесят процентов входящих — и шестьдесят процентов здесь это люди с регистрационными карточками, которые он сам оформлял. Он снял ламинированный пропуск с шеи и отдал его сотруднику у ленты. — Если через двадцать минут не выйду, отдайте в РПРФ. — Он вытащил из внутреннего кармана карту — карандаш, девять точек, дуги. — Это тоже. — Вы не можете войти без — Он уже шёл. Не из героизма — у него была информация, которой не было ни у кого другого на этом оцеплении, и эта

информация была существенной для людей внутри: он был историком, а историки работают с источниками — первичными, если есть возможность. Порог Разлома — без эффектов, без вспышки, без звука: просто один шаг — воздух как воздух, асфальт как асфальт, январское серое небо над головой, — и следующий шаг, где воздух уже не такой: холоднее, плотнее, пахнет чем-то, для чего у русского языка нет точного слова — где-то между мокрым камнем, старым деревом и тем, как пахнет страх, когда он уже прошёл и осталось только то, что было после него. Здание изнутри Разлома было тем же зданием, что снаружи — и не тем же: стены стояли правильно, лестничные пролёты — нет, коридор, который должен был вести налево к первому подъезду, вёл прямо в стену, заросшую чем-то тёмным и влажным, а коридор, которого на плане вообще не было, вёл куда-то вниз. Геометрия Разлома переставила здание, как ребёнок переставляет кубики — все блоки на месте, логика сборки утеряна. Зрение Изнанки здесь давало больше, чем снаружи: тёмные жилы тока, уходящие в глубину по трём основным коридорам, — и он шёл в обход них, вдоль стен, где концентрация была низкой, где твари не охотились, потому что охотиться было не за кем. До первых выживших добрался через шесть минут. Семь человек в угловой части, которая когда-то была подвальным складом: пожилая женщина, двое подростков, мужчина лет пятидесяти в робе коммунальщика и ещё трое, — живые, перепуганные, в полной темноте, потому что единственный

фонарь сел полчаса назад. Игорь включил фонарик на своём телефоне. — Вы идёте вот здесь, — он показал. — Вдоль этой стены до конца, потом прямо, потом первый левый поворот, там будет проход — он выглядит заложённым кирпичом, но это иллюзия Разлома, просто идите. Выйдете в первый двор, там оцепление, и не останавливайтесь в коридорах. — А там нет этих... тварей? — спросил коммунальщик. — По этому маршруту сейчас нет, поэтому не останавливайтесь. Пожилая женщина что-то начала говорить, потом махнула рукой. — А вы? — спросил коммунальщик. — Я ещё не всё проверил. Они ушли — семь тёмных силуэтов в коридоре, уменьшавшихся, пока не стали точками, а потом настала тишина — тишина Лабиринтного Разлома, в которой что-то двигалось: ощутимо, как давление в ушах перед грозой, без видимых следов и без звука. Он развернулся и пошёл дальше — не в сторону выхода. Первое тело он нашёл у поворота. Женщина, ранг Кудесник по нашивке на рукаве — опытный охотник, не новичок, — гибель свежая, может быть полчаса. Он проверил пульс — формальность, не надежда, — пульса не было. Он выпрямился, запомнил лицо: позже он найдёт её регистрационную карточку в реестре и внесёт отметку. Вторая охотница лежала в десяти метрах дальше — живая, без сознания, с рассечением на виске: черепно-мозговая, возможно, дыхание ровное, хотя и частое. Он снял с себя шарф и перевязал как мог. Второе тело лежало у стены, у самого конца коридора, там, где пространство Разло-

ма перестало притворяться зданием и стало чем-то другим: коридор расширялся в нечто, похожее на двор, только небо над ним было тёмным, темнее ночи, без звёзд, а аномальная энергия здесь была плотной, как вода в глубоком омуте, — Зрение Изнанки почти не справлялось, она давила со всех сторон, кисловатой тяжестью на языке, на барабанных перепонках, на коже. Молодой, едва двадцать лет — регистрационная карточка торчала из кармана куртки, белая, ламинированная, с синим логотипом РПРФ. Игорь нагнулся и прочитал. Сенин Артём Николаевич. 20 лет. Ранг Прозорец. Класс: Витязь. Второй месяц практики. Он помнил эту регистрацию: три месяца назад Сенин пришёл с другом, оба Витязи, оба нервничали так, как нервничают молодые Пробуждённые, которые уже знают статистику, но ещё не верят, что она про них, — и Артём тогда посмотрел на карточку с рангом Прозорец, на Игоря, и сказал: «Ничего, догоню», — с такой абсолютной уверенностью, что Игорь, ставя штамп, подумал: этот выживет. Как правило, он не помнил отдельных посетителей — статистику, категории, схемы, не лица. Этого он запомнил. Он выпрямился: перед ним была задача с двумя переменными — охотница без сознания в десяти метрах позади и мёртвый двадцатилетний Витязь у его ног, — и он начал просчитывать маршрут: сначала живая, потом — Существо было в конце псевдодвора — просто не было секунду назад, и стало, как бывает в Разломах с тем, что хорошо понимает геометрию этого пространства. Лицо — с чертами

и пропорциями, правильно выученное, как язык, усвоенный по грамматике: построенный без ошибок, и именно поэтому неродной. Тело двигалось иначе: три года работы с аурами давали Игорю точность восприятия, и в биомеханике было что-то смещённое, трудно поддающееся словам, — достаточно, чтобы живот подал сигнал раньше, чем голова успела его сформулировать. Существо смотрело прямо на него — с пятнадцати метров. В голове Игоря всплыло — автоматически: «Она смотрела на меня. Не в мою сторону. Именно на меня. Как смотрит человек, который тебя знает.» Показание первого свидетеля. Нулевой Разлом, 2004 год. «Оно смотрело — и узнавало.» Он не двигался, существо не двигалось — между ними было пятнадцать метров. Игорь был — он сам это отметил — совершенно спокоен: информации хватало на многое, только не на это. Это тоже информация. Существо сдвинулось в сторону, под углом — обходило бессознательную охотницу позади, уходило дальше, туда, откуда доносился едва слышный звук шагов. Семь гражданских всё ещё были в коридорах. Игорь шагнул вперёд и встал поперёк. Семь человек без боевых способностей в лабиринте против существа, которое только что убило охотника ранга Кудесник — арифметика, которая не требует храбрости. Бой длился меньше десяти секунд — и Игорь запомнил из него только запах горелого и тупой удар в плечо. Существо ударило один раз, и Игорь прошёл сквозь перегородку из гипсокартона — она оказалась не несущей, что было единствен-

ным везением в этот момент, — и приземлился на спину: что-то в левом предплечье сообщило ему о положении дел с такой точностью, что никакой дополнительной диагностики не требовалось. Он лежал на полу, а над ним — трещина в потолке и пыль с гипсокартона, оседавшая, как снег. Существо подошло и встало над ним, посмотрело снова тем же взглядом — без угрозы, без охоты, без оценки противника: что-то другое. Игорь смотрел на него снизу вверх и думал быстро, как умел, — и вдруг нашёл слово: ожидание. Оно ждало чего-то в нём. Потом что-то изменилось в нём самом. Что-то начало разворачиваться — медленно, с трудом, как жернов после долгой неподвижности, и неотвратимым было само начало этого движения. Что-то, что было в нём с 2021 года — с того дня на рязанском перекрёстке, когда волна аномальной энергии накрыла квартал и из двенадцати человек двое проснулись, — повернулось. Конкретно — тепло, без жара и без огня, такое, как узнавание, как возвращение в место, которое знало тебя раньше, чем ты успел о нём узнать. Существо сделало один медленный шаг назад — как делает человек, получивший то, за чем пришёл. Игорь смотрел на Артёма Сенина, на тело у дальней стены, на регистрационную карточку в кармане куртки — он не знал, что делает, он знал только, что делает это. Что-то пошло из него наружу — без звука, без света, без движения рук, — то, у чего не было имени ни в одном живом языке, хотя позже он будет называть это словом «зов», потому что другое слово не подберёт-

ся. Оно прошло через пол, нашло Артёма Сенина — холодного, мёртвого, двадцатилетнего — и позвало. Артём Сенин сел — медленно, механически в первую секунду, потом уже сам: голова поднялась, глаза открылись — и по краям радужки было слабое, едва заметное серебряное свечение, такое, что можно было принять за отблеск и не принять только потому, что отблеску было неоткуда взяться. Он посмотрел на Игоря. Выражение лица было у человека, которого разбудили слишком рано — из сна слишком глубокого, из места слишком далёкого: растерянное, чуть обиженное, живое. — Ты... зачем ты меня позвал? Игорь лежал на полу, в пыли от гипсокартона, в Лабиринтном Разломе под Замоскворечьем. Существо исчезло — когда именно, он не мог сказать: оно не было больше в комнате, может быть, ушло в момент, когда повернулось то, что повернулось, а может быть, дождалось того, чего ждало. А потом — голос, глубже, чем уши, в том самом месте, которое только что открылось. «Опоздал.» Долгая пустота — такая, какую делает человек, когда хочет, чтобы сказанное дошло прежде, чем говорить дальше. Потом: «Ничего страшного. Навь умеет ждать.» Игорь Козлов смотрел на Артёма Сенина, который сидел у стены в двух минутах после своей смерти и держал в правой руке собственную регистрационную карточку — рука закрылась рефлекторно, потому что тело иногда заканчивает то, что не успело. Он думал несколько вещей одновременно: нужно разобраться в том, что только что произошло — методич-

но, с источниками, без торопливых выводов; за стеной бессознательная охотница; в кармане карта с девятью точками, и одна из них — здесь. И ещё: интонация голоса, который сказал «опоздал», была скорее информативной, как у регистратора с датой, без укора. — Ты собираешься отвечать? — Артём хмыкнул, кажется, неожиданно для самого себя. — Руки холодные. Это нормально вообще? — Он посмотрел на Игоря. — Там что-то происходит, чувствую. — Да, — сказал Игорь. — Дай мне секунду. Он встал, без опоры на левую руку — та уже сообщала ему с полной определённо-стью, что опираться на неё в ближайшее время не следует. — Там ещё один человек, — сказал Игорь, — за той стеной, без сознания. Нам нужно её вынести. Артём посмотрел на свои руки, на карточку в правой, на Игоря, потом встал — легко, без усилия, с той точностью движений, которой не бывает у людей, только пришедших в сознание после удара. — Хорошо, — сказал он. — Показывай. Охотница лежала там, где Игорь нашёл её. Артём поднял её без видимого усилия — Витязь есть Витязь, это, по всей видимости, не зависело от формального состояния сердца, — и перекинул через плечо. Игорь не комментировал: некоторые вещи лучше принимать как данность. Они шли по коридорам Разлома, которые менялись вокруг них не торопясь, почти незаметно — как стрелки часов, — и Игорь видел энергетические потоки и вёл их вокруг, пока Артём шёл рядом молча: сосредоточенно, с тем вниманием, с которым делают незнакомую, но важ-

ную работу. Через семь минут они вышли наружу. Оцепление встретило их так, как оцепление всегда встречает людей, вошедших без санкции и вышедших с двумя посторонними вместо одного, — облегчением наполовину с раздражением, смесью, которую МЧС предъявляет лучше любого другого ведомства. Офицер смотрел на Артёма Сенина. Артём смотрел в сторону — туда, где за жёлтой лентой стояли случайные зеваки, спокойно и рассеянно, как человек, который оказался в незнакомом городе и пока разбирается, в какую сторону смотреть. — Это кто? — спросил офицер. — Охотник. Он был внутри. Правда — просто не вся. Игорь взял свою карту обратно у сотрудника у ленты. Развернул, посмотрел на девятую точку. Девять точек на карте. Восемь из которых он знал по имени. Девятую — теперь знал изнутри.

Глава 4

Гречка закончилась в половине восьмого. Игорь поставил ещё одну кастрюлю — вторую за утро — и вернулся за стол: Артём Сенин сидел напротив. Двадцать лет, ранг Прозорец, второй месяц практики. Вчера вечером — тело в псевдодворе Лабиринтного Разлома, регистрационная карточка в кармане куртки, шея под неправильным углом; сегодня утром — живой человек за кухонным столом, изучающий собственные руки с выражением крайней сосредоточенности. Руки были обычными — левая с мозолями у оснований пальцев, правая чуть разработаннее, — и он рассматривал их так, будто ожидал объяснений, которых они дать не могли. — Они тёплые, — сказал Артём. — Хорошо. — Нет, я имею в виду — они такие же, как раз такие: царапина на среднем пальце — та же, что была в четверг, я ещё думал, надо бы перебинтовать, не успел. — Он поднял голову. — Я думал, будет что-то другое — другое ощущение. — Точнее? Артём помолчал. — Не знаю, просто думал, что это будет заметнее. Что-то принципиально заметное было бы проще: проще объяснить, проще документировать, проще предъявлять тем, кому придётся предъявлять. У Игоря не было опыта с Восставшими — ни профессионального, ни человеческого: три года отчётов не заменяли первого утра на кухне, когда человек, которого ты вчера вечером наблюдал мёрт-

вым, ест гречку и рассматривает собственные руки. Всё, что он знал из отчётов, сводилось к одному: у Восставших труднее всего поддаётся документированию то, что в них не изменилось. Гречка закипела, и он встал, убавил огонь. — Я помню гречку дома, — сказал Артём вдруг, без вступления. — Мама варила с луком, я ненавидел лук до двенадцати лет. — Он посмотрел в тарелку. — Сейчас, наверное, поел бы с луком. — Лука нет, — сказал Игорь. — Знаю. Просто, — он пожал плечами, — вспомнилось. Артём говорил без интонаций, которые требуют реакции: просто констатация, без претензий — как человек, привыкший обходиться тем, что есть. Игорь наложил гречку, поставил тарелку и сел напротив. За окном — угол соседнего корпуса и низкое серое небо. Первые несколько минут они ели молча. Существо ушло раньше, чем Игорь поднялся, а потом — боковым зрением: движение там, где движения не должно быть. Артём Сенин сидел там же, где упал, упёршись руками в пол, с видом человека, проснувшегося на нижней полке поезда, — смотрел на свои руки, потом поднял голову. — Ты... зачем ты меня позвал? — Встать можешь? — спросил Игорь. — Да, — сказал Артём и поднялся. Они вышли из Разлома в одиннадцать сорок три вечера — Игорь засёк время, привычка сильнее самоконтроля. Оцепление ещё держали; офицер с планшетом посмотрел на него, потом на Артёма, потом сказал что-то в рацию и больше ничего не сказал вслух — умный офицер: видел достаточно, чтобы молчать. В скорую их взяли обоих:

Игорю наложили шину на предплечье — перелом лучевой, без смещения, гипс через сутки, — а Артёму измерили давление (сто двадцать на восемьдесят восемь) и температуру (тридцать шесть и шесть), пока врач писала что-то в карте с выражением человека, который давно научился фиксировать то, что не укладывается, не останавливаясь для объяснений. В скорой Артём достал из кармана регистрационную карточку — молча, без пояснений — и положил Игорю на колено. К часу ночи стало ясно, что везти Артёма некуда: де-юре он был мёртв — комната в общежитии гильдии «Северный» считала его потерянным, мать в Екатеринбурге — вне реестра РПРФ, и ни один из этих адресов нельзя было использовать в ближайшие часы без вопросов, на которые Игорь не знал ответов. Он дал Артёму свой адрес. — Я помню всё, — сказал Артём, когда они почти добрались до второй кастрюли. — Просто говорю, чтобы вы понимали. — Хорошо. — Как вошли в Разлом, как Соня — Фролова, командир, ранг Кудесник — крикнула «отходим» и не успела, как я пошёл левее, к коридору, и там уже... В общем, быстро. А потом — ничего. — Совсем ничего? — Абсолютно. Артём произнёс это без удивления и без ужаса — просто факт. — Ничего не было, совсем ничего. А потом голос — ваш, я не разобрал слов, и — вот. Игорь слушал — три года за регистрационной стойкой научили: когда человек говорит, молчи и дай ему договорить, потому что прерывание стоит дороже терпения. — Смерть — конкретная штука, — ска-

зал Артём. — Это я теперь знаю точно: там не было ничего лишнего. — Это... облегчает? — Нет, но успокаивает — это разные вещи. Игорь промолчал. Облегчение и спокойствие — не одно и то же, он знал это достаточно давно. Гречка на плите забурилась. Игорь встал, убавил огонь и вернулся к столу. — Вы работали регистратором три года, — сказал Артём, не спрашивая. — Да. — Вы помните меня, сказали об этом вчера, когда выходили. — Помню. — Вы помните всех? — Нет. Артём смотрел на него. Помолчал. Потом: — «Ничего, догоню» — я это сказал тогда, про ранг. Вы помните? — Помню. — И думали, что выживу. Другой сказал бы: статистическая оценка, общая картина; Игорь ответил честно: — Да. Думал. Артём качнул головой — коротко, принимая информацию к сведению. — Значит, я тоже ошибся, — сказал он. — Буду знать. Игорь смотрел на него: прямо сидит, без лишнего напряжения, двадцать лет — и уже такая привычка собираться без чужой помощи. С Артёмом не нужно было переводить, и Игорь это запомнил. Голос появился в девять двадцать два, когда Игорь мыл посуду, — изнутри, там, где голосов вообще не бывает: как если бы что-то включило передачу внутри черепной коробки, чётко, без помех, без предупреждения. «Первое воскрешение завершено.» Игорь не выронил чашку, поставил её на сушилку и взял следующую. — Слушаю, — сказал он вслух, тихо. «Один из трёх. Расстояние допуска — практика установит сама.» — Практикой, — уточнил Игорь. «Да.» Голос был информационным:

без спешки, без диалоговых интонаций — как у того, кому торопиться незачем. — У меня вопрос, — сказал он. Голос молчал; Игорь чувствовал, что его слышат. — Артём Сенин: он был мёртв, теперь — нет. Это обратимо? Голос молчал дольше обычного, и Игорь краем улавливал — иначе, чем с живым существом, — что пауза осмысленная, что разница здесь между «не знаю» и «это непросто». «Не в том смысле, который тебя беспокоит.» — Он может снова умереть? «Да. Навь его теперь знает: второй раз пройдёт иначе.» — Иначе — это значит? «Это значит иначе. Практика объяснит точнее слов.» Снова — тот же отказ от избыточного объяснения: честные границы того, что можно сказать словами. Игорь, при всём отсутствии поводов доверять бестелесному голосу в утренней кухне, почувствовал нечто похожее на уважение. — Ещё один вопрос, — сказал он. «Слушаю.» — Кто ты? Самая длинная пауза из всех; Игорь ждал. «Тот, кто ждал долго.» Игорь на секунду остановился над раковиной, потом продолжил мыть посуду. — Хорошо, — сказал он. — Пока достаточно. Голос замолчал, но Игорь чувствовал, что присутствие никуда не делось — ровное, без спешки. Он вспомнил слова с прошлого вечера: «Навь умеет ждать.» Теперь понимал их лучше. Артём стоял в дверях кухни. — Вы с кем-то разговаривали? — С собой. Полезная привычка. — Вы часто так? — Нет, начал сегодня. Артём смотрел на него — с той же методичной сосредоточенностью, с которой изучал руки, — потом дёрнул подбородком. — Мне нужно по-

звонить маме, — сказал он. Игорь помолчал секунду: мать в Екатеринбурге, скорее всего, ещё не знала ничего, но в реестре стояла отметка, а уведомление о гибели уходит по последнему известному адресу, — так что звонок с телефона погибшего в Екатеринбург в девять тридцать утра следующего дня был определённой логистической проблемой. — Пока — нет, — сказал Игорь. — Почему. — Мы не знаем, как это объяснить, а пока не знаем — лучше не начинать. Артём смотрел на него. — Она будет думать, что я умер. — Реестр уже внёс отметку, она получит уведомление сегодня, если не получила ночью. Это было жестоко, и Игорь знал это — смягчённый факт всегда потребует большей работы потом. Артём посмотрел в окно, на серое небо над соседним корпусом, и помолчал. — Ладно, — сказал он наконец. — Пока нет. Игорь запомнил: когда Артём говорит «ладно», это «принял к сведению» — и не более. — Я не могу оставаться здесь долго, — сказал Артём. — Нет. — Игорь взял пальто с вешалки. — Но сегодня — можете. — Что будет завтра? — Пока не знаю. — Он нашёл ключи. — В квартире есть еда: гречка, макароны, консервы, кофе растворимый, но лучше, чем в автомате на работе. Я вернусь около шести. — Вы идёте на работу? — спросил Артём. — Да. — Сейчас? — Через двадцать три минуты. Опоздание без уважительной причины — выговор, а перелом предплечья является уважительной причиной, но я не госпитализирован, что осложняет документирование. — Бюрократия, — сказал Артём, без особого

выражения. — Да. — И не открывайте реестровый портал, — сказал Игорь уже в дверях. — Там стоит ваша отметка, а читать про себя в третьем лице — это другое. — Я знаю, что я там стою. — Знаете — и всё же. Он вышел и закрыл дверь. На лестничной клетке Игорь остановился: в квартире было слишком тихо. Он обернулся — дверь закрыта, за ней пустая тишина — и вернулся. Кухня была пуста, гречка на плите остывала. Артём исчез — дверь одна, и за те несколько секунд уйти было физически невозможно. Игорь прислушался к Зрению Нави — пустота, ни следа, ни ауры. Три минуты он ждал у окна, потом Артём появился на том же стуле, где сидел, — обычный, с теми же руками, с той же царапиной на пальце. — Где ты был? — спросил Игорь. Артём подумал. — Там, где тихо, — сказал он, и больше ничего не добавил. На лестничной клетке было холодно — батареи уже включили, но воздух в подъезде не спешил меняться, — и Игорь спускался медленнее обычного: после геометрии Лабиринтного Разлома было приятно идти по лестнице, которая просто оставалась лестницей. Улица встретила его плотным январским воздухом и светом, которого было ровно столько, сколько нужно для нормальной видимости и не больше. Он шёл к метро, придерживая руку в шине, и думал о том, что предстояло объяснить Воронцовой.

Глава 5

Людмила Воронцова встретила его у входа в корпус А в восемь сорок шесть утра с видом человека, который пришёл на работу заранее с этой целью. — Без смещения. — Вы числитесь в реестре выхода на оперативное задание в двадцать три сорок три. Назад — без гипса. — Гипс назначен на сегодня, медицинская справка есть. Воронцова посмотрела на его руку. — К девяти — ко мне, — сказала она. — И принесите всё, что у вас есть по вчерашнему. Воронцова никогда не говорила «пожалуйста» в тоне приказа: она считала, что «пожалуйста» обязывает адресата к согласию и тем самым вводит в формулировку риторическое допущение, которого там нет. Игорь был с ней согласен. В кабинете у Воронцовой было пять папок на подоконнике, одна на столе и одна уже открытая перед ней — эта, судя по дате на обложке, появилась сегодня ночью, — а РПРФ работало круглосуточно только по двум поводам: внезапный Разлом в зоне жилого квартала и нечто настолько нестандартное, что система не знала, в какую графу его вносить. Вчерашнее было вторым. — Артём Сенин, — сказала Воронцова, не поднимая взгляда. — Охотник, ранг Прозорец. Зарегистрирован три месяца назад. Отметка о гибели — вчера вечером, двадцать два ноль пять. Потом — запись об изъятии отметки. Потом — запись о приостановке изъятия. Потом три запроса из медицинско-

го блока, два из юридического и один из... — она сделала паузу, — из архива. — Из архива? — Кто-то хотел найти прецедент. — Воронцова наконец подняла взгляд. — Не нашли. Прецедентов не было — Игорь знал это лучше кого-либо в этом здании: три года он просидел в двух коридорах от архива «Нити» и знал его достаточно для одного вывода — всё там хранилось по теме «аномальные состояния», либо с грифом «закрыто», либо с пометкой «не верифицировано», и ничего применимого к живому человеку, который вчера ночью был мёртвым. — Юридический отдел нашёл что-нибудь? — Форму 7-Б. В голосе Воронцовой появилось что-то за пределами стандартного репертуара — суше и плотнее обычного. — Форма для ситуаций, в которых правовая категория субъекта изменяется в результате аномального воздействия. Заводится на Пробуждённых, у которых меняется ранг или класс вне стандартного тестирования. — То есть она предназначена для живых людей. — Предназначена для живых людей, — повторила Воронцова. — В ней нет графы «характер изменения». Есть графы «дата изменения», «заверяющий сотрудник» и «прежнее состояние». Под «прежним состоянием» у Сенина будет: жив, ранг Прозорец, класс Витязь. Под новым — юридический отдел пока оставил поле пустым. Игорь смотрел на стол, на папку, на поле для подписи. — Они хотят, чтобы я заполнил «прежнее состояние» или «новое»? — Оба. Вы — ближайший Пробуждённый с действующим пропуском, находившийся на месте. Вы — ре-

гистратор с правом первичной обработки. — Воронцова выдержала секунду. — И вы, по всей видимости, единственный человек в этом здании, который понимает, что именно произошло. Это было точно, и это, судя по тону, её не радовало. — Я заполню, — сказал он. — Хорошо. — Воронцова закрыла папку. — После тестирования. — Какого тестирования? Воронцова посмотрела на него — вопрос был из тех, где ответ вслух только мешает. — Козлов. Вчера вечером вы вошли в Лабиринтный Разлом 3 без санкции, вывели двух человек, один из которых по реестру числился погибшим — и вышли с переломом предплечья и классификацией «некласс», которая перестала соответствовать действительности. Это тестирование. Тестирование в РПРФ делилось на три уровня: первичное — для новых Пробуждённых; плановое — раз в год, стандартная процедура; и внеплановое — для случаев, когда реестровая запись переставала совпадать с наблюдаемой реальностью. Специалист по тестированию — Сергеев, полноватый, с манерой объяснять очевидное дважды — встретил его в кабинете 112 с видом человека, которому за ночь передали задание без достаточных инструкций. На столе лежали три стандартных прибора, а рядом — два нестандартных, которых Игорь раньше не видел: один похожий на детектор аур повышенной чувствительности, второй — с экраном, на котором пульсировал тёмный контур. — Ваш класс по реестру — некласс, — сказал Сергеев. — Мы будем использовать расширенный про-

токол. — Хорошо. — Некоторые способности, связанные с некромантической классификацией, требуют присутствия... — он сделал паузу, — биологического материала. Игорь посмотрел на него. — Это значит, что мне нужен труп? — В соседней комнате находится образец аномальной биомассы из архива Изнанки, — сказал Сергеев, и что-то в его интонации указывало на то, что «образец» — не лучшее слово, но лучшее из доступных. — Если потребуется демонстрация. Демонстрации не потребовалось. Сергеев включил детектор аур — и прибор показал то, что и должен был показать в присутствии активной Системы Нави: аномальное присутствие, не совпадающее ни с одной стандартной категорией. Тёмный контур на экране пульсировал ровно — как дыхание чего-то, что не нуждается в спешке. Процедура заняла сорок семь минут. Итог: Козлов Игорь Андреевич, класс «некромант» — официальный статус класса в классификации РПРФ не существует, де-факто существует, впервые задокументирован, подлежит отдельному нормативному акту, который будет разработан в сроки, которые Сергеев деликатно не назвал. — Ранг — тоже нестандартный, — добавил он. — Энергетические показатели не укладываются в шкалу от Ω до А. Поставим пометку «некласс ранга» до дополнительной верификации. — Понятно. Он вышел из 112-го кабинета в десять пятнадцать и пошёл обратно к своей стойке — той самой, у которой три года регистрировал других людей. Некласс ранга, некромант — номенклатура менялась, сама

работа нет. Коридор РПРФ ничем не отличался от любого другого административного коридора в здании, кроме одного: сотрудники в нём двигались иначе, чем вчера. Не все — большинство шли как обычно, с папками, с кофе, с выражением людей, которым есть чем заниматься и которые предпочитают заниматься как раз этим. Но некоторые оглядывались: вслед, или чуть раньше, чем он проходил мимо, или чуть позже. Тамара из отдела контроля лицензий посмотрела прямо — спокойно, как смотрят на незнакомое явление, которое тебя лично пока не касается — и кивнула. Игорь кивнул в ответ. Владимир из архива — молодой, второй год — прошёл мимо, не замедляясь: только направление было чужое, в противоположную сторону от его кабинета. Охранник Семёнов стоял у турникета и, когда Игорь проходил, окликнул его: — Козлов. Вчера — правильно сделали. Игорь остановился. — Что сделал? — Вошли. — Семёнов смотрел прямо. — У меня племянник — охотник, ранг Ведун. Рассказывал про Лабиринтные. Вошли правильно. — Спасибо, — сказал Игорь. Другого слова не нашлось — это оказалось точным. К полудню он заполнил Форму 7-Б в части, касающейся Сенина: в графе «прежнее состояние» написал — жив, ранг Прозорец, класс Витязь, второй месяц практики, в графе «новое состояние» написал — жив, и поставил точку. Снизу приписал: характер изменения — см. приложение. Приложение написал отдельно, на трёх страницах, с датами и временными отметками, без интерпретаций и без попыток

назвать то, для чего ещё нет слова в официальных реестрах. Воронцова прочитала три страницы без выражения на лице, потом подписала форму. — Куда это отправить? — спросил Игорь. — Пока никуда. — Воронцова взяла карандаш и, не глядя, положила его обратно. — Я запрошу юридический отдел насчёт нормативного акта. — Козлов. В реестре вы числились регистратором. Теперь будете числиться регистратором с допуском к полевым выходам — это потребует отдельного внесения. — Она закрыла папку. — Это изменение я буду вносить лично. Воронцова посмотрела на него поверх очков — следующее не для протокола. — Козлов, вы знаете, что отдел кадров уже запросил ваше личное дело? — Догадываюсь. — У них есть предложение: перевести Артёма Сенина в статус «специальный субъект». Под бессрочный государственный надзор. Игорь не изменился в лице — только положил ручку на стол точно параллельно краю. — И что вы им ответили? — спросил он. Воронцова помолчала — ровно столько, чтобы было понятно без слов. — Я сказала, что форма 7-Б ещё не утверждена. И что у нас нет правовой категории для Восставших. А пока её нет — никто не тронет вашего охотника. Но, Козлов... — Она сняла очки. — Долго это не продлится. Готовьтесь. Игорь кивнул, сказал «спасибо» — слово вышло без интонации, но значило — и вышел. Домой он вернулся в семь сорок три. Артём сидел за кухонным столом с ноутбуком Игоря, и на экране был открыт архив РААНИ в разделе, куда Игорь заходил три месяца назад.

— Нашёл что-нибудь? — Не особо. — Артём закрыл вкладку. — Там всего много, но либо закрыто, либо «не верифицировано». — Характерно для архива. Артём посмотрел на него, закрыл ноутбук — не выключив — и встал. — Вы ели? — Нет. — Я сварил. Там на плите. Игорь снял пальто — оно было в гипсокартонной пыли с вечера, он об этом забыл — и стряхнул. Артём молча смотрел, пока он снимал ботинки, потом опустил голову и сел. Они ели молча — гречка была несолёной, Артём не спросил, какой объём соли считается стандартным, а Игорь не сказал: обоим это устраивало. — Как прошло? — спросил Артём, когда посуда уже стояла в раковине. — Меня переклассифицировали. — В кого? — В некроманта. Класс официально не существует, но это временно. Артём помолчал секунду, потом: — Это хорошо или плохо? — Пока не знаю. Нужно уточнить. — У кого? Он не ответил, налил кофе и сел снова. Голос появился в девять ноль один — в этот раз как присутствие: плотное, ровное, без торопливости. Игорь сидел за столом, держал чашку обеими руками — с шиной это было неудобно, но работало — и спросил: — Мне нужно знать, с кем я разговариваю. «Ты задаёшь этот вопрос сейчас?» — Да. «Почему сейчас?» — Потому что вчера я спросил «кто ты» и получил «тот, кто ждал долго». Сегодня я работал с последствиями того, что произошло в Разломе, и заполнил форму, в которой нет подходящей графы. Прежде чем заполнять следующую — я хочу знать имя. Молчание тянулось — иначе, чем прежде: с длиной,

которую секундами не измеришь. «Велес.» Игорь не сказал ничего. Артём в соседней комнате что-то двигал — судя по звуку, переставлял книги на полке, которую Игорь не перекладывал три года, — а Москва за окном шумела тем ровным, безличным гулом, которым она шумит в будний вечер в январе. В чашке остывал кофе. Игорь сидел тихо пять минут, смотрел на стену. «Ты уверен, что хотел знать?» — Да. Незнание не делает вещь менее реальной — только работать с ней сложнее. «Работай.» Присутствие осталось — терпеливое, трёхтысячелетнее. Игорь взял чашку и допил кофе — холодным. Велес — хозяин Нави, бог мёртвых — выбрал его за то, что однажды пришёл в архив, нашёл нужную папку и не испугался её дочитать. Это значило одно из двух: либо Велес серьёзно переоценивал ценность любопытства как критерия отбора, либо что-то принципиально не так с остальными претендентами, и оба варианта требовали дополнительных данных. — Игорь, — позвал Артём из комнаты. — Вы переставляли эти книги когда-нибудь? — Нет. — Здесь пыль слоем. — Знаю. Звук книги, поставленной на полку, потом — второй, потом методичный скрип: Артём двигал шкаф. Игорь смотрел на стену: на дне — присутствие; за стеной — Восставший, переставляющий книги; за окном — Москва. «Велес, — думал он. — Хозяин Нави, бог мёртвых. Предлагает мне работу. Я думал, хуже регистратора РПРФ должность найти невозможно.» Девять точек на карте — одну он знал изнутри. Имя бога, который дал ему работу, — теперь

знал тоже; имя богини, против которой эта работа направлена, — следующий вопрос. Сначала нужно найти подходящую форму.

Глава 6

Декабрь 2021 года. Московское отделение РПРФ, 14:23. Номер 47 достался Денису Орлову потому, что он пришёл как раз в то время, когда утренний поток схлынул, а вечерний ещё не начинался, и автомат у входа выдал бумажный прямоугольник с хрустом механизма, давно перешедшего в режим «ещё немного и как-нибудь». Денис поблагодарил его вслух, а женщина с номером 46 посмотрела на него без удивления: в очередях Пробуждённых разговаривали со всем, что не отвечает, — чтобы проверить, не начнёт ли. В очереди было двенадцать человек, и Денис, пока ждал, составил о каждом базовое представление — смотреть на людей было его рабочим инструментом с девятнадцати лет, когда он понял, что Зрение Изнанки не отключается по желанию. Женщина у окна 3 спорила с кем-то по телефону о форме 2-А с интонацией человека, четвёртый раз объясняющего одно и то же. Подросток у стены держал руки в карманах, пытаясь контролировать ауру, нестабильную настолько, что это было заметно без всякого Зрения. Мужчина в дорогом пальто методично проверял телефон каждые сорок секунд — человеку явно было здесь незачем, а деваться некуда. Номер 47. Окошко 2. Человек за стеклом выглядел как тот, кто не спал примерно шесть месяцев и принял это как рабочее условие: тёмные волосы, серые глаза с холодным блеском, трёхднев-

ная щетина — та, что появляется, когда бритьё перестаёт входить в список приоритетных задач, — и ламинированный бейдж на шнурке: КОЗЛОВ И.А., старший регистратор. — Документы, — сказал Козлов, не поднимая взгляда. Денис положил документы на лоток, Козлов взял их, начал листать, а Денис ждал — интуиция давно объяснила ему разницу между моментами, когда нужно говорить, и моментами, когда нужно молчать. Козлов читал, потом движение руки остановилось — перелистнул назад, снова вперёд и поднял взгляд впервые с момента, как Денис подошёл к окошку. Денис за три года научился различать этот взгляд: человек видел то, что за лицом — слои под кожей, ауру. По обе стороны стекла стояли люди с активным Зрением Изнанки. Денис не пошевелился и смотрел в ответ. Аура самого Козлова выпадала из всех классификаций — тёмная, с глубиной, как у воды в озере, в котором не видно дна. — Год Пробуждения — две тысячи девятнадцатый, декабрь. — Козлов произнёс это ровно. — Первые проявления способностей — когда? — Тогда же, почти сразу. — Класс: Следопыт. Ранг: Ведун. — Козлов снова смотрел в документы. — Для двух лет практики — высокое достижение. — Я работал усердно. — С кем? Денис сделал паузу. Козлов её заметил — рука с ручкой замедлилась над бланком. — Самостоятельно, в основном. Теория — через РААНИ. — Профессор Иванов, — сказал Козлов, не спрашивая. — Да. Следующие двадцать минут Козлов задавал вопросы — спокойно, точно, без попытки

поймать на несоответствии, брал информацию там, где она была, и аккуратно складывал: какой первый признак способностей? Предчувствие. Конкретнее? Ощущение опасности на мгновение раньше, чем она становилась видимой, ощущение присутствия — людей, тварей, энергии — прежде чем можно было увидеть или услышать; чаще всего когда кто-то рядом был в опасности. Тренировки проводились где? Денис называл адреса, все настоящие. Стандартное время приёма — восемь минут, двадцать значило что-то другое. Козлов поставил штамп. — Следующий, — сказал он. Денис не встал. — Мы увидимся ещё? — Скорее всего, — сказал Козлов. — Почему? — Интересный. Денис понял сразу: в лексике человека, зарегистрировавшего несколько тысяч Пробуждённых, «интересный» означало аномалию — запись в отдельную папку и пометку для позднейшего рассмотрения. Он вернулся. Вот чего нет в документах. Декабрь 2018 года. 23:47. Дендрарий у Ботанического сада. Денис шёл, потому что ходьба в тот период была для него ответом на большинство вопросов, у которых других ответов не находилось. Молния попала в дерево в двадцати метрах. Расстояние было слишком маленьким, время — слишком коротким для связной мысли: только белый, абсолютный, горизонтальный, без направления. Потом в дерево пошла молния, а в Дениса — что-то другое, боком, из стороны, которой у пространства не должно быть: смещение, как если бы линзу, которую держали неправильно три года, наконец повернули под нужным

углом. Он лежал на земле четыре минуты, считал секунды — подсознательная точность включилась раньше, чем что-либо ещё. Когда встал, мир был другим — шире, многослойнее: у вещей появились края, которых прежде не было, осязаемые без всякой оптики. Парк в полночь был очень людным, а Денис стоял под дождём и знал три вещи: это необратимо, это произошло не случайно, и он поймёт зачем — в своё время. Потом голос — глубже ушей, в том месте, где слов до этого не было: спокойный, женский, одна фраза: «Будь рядом с ним, когда придёт время.» Голос не объяснил, кто «он», не назвал имени, адреса, срока — просто дал направление без маршрута и замолчал. Предчувствие знает финал и никогда не показывает сюжет. Четыре недели Денис молчал, а потом случайно прервал лекцию профессора Всеволода Павловича Иванова из РААНИ по природе аномальной энергии: Денис сказал вслух что-то, что, по всей видимости, совпало с тем, о чём Иванов думал последние двенадцать лет. Иванов остановился на полуслове, снял очки, надел обратно и сказал: — Останьтесь после. Иванов выслушал всё — молнию, четыре минуты, голос. Слушал без вопросов, без блокнота — для человека, записывающего абсолютно всё, красноречивая деталь. Потом сказал: — Датировка у тебя некорректная. — Знаю. — Официальная дата создаст вопросы, на которые ты не сможешь ответить. — Знаю. — Дату поменяем. — Почему? Иванов помолчал. — За тридцать лет работы в области аномальных явлений у меня выработалось опреде-

лённое представление о том, когда установленные процедуры следует... скорректировать. — Короткая пауза. — И ещё одно соображение. Если соответствующие структуры узнают, что кто-то пробудился до первого официального Разлома, тебя изучат — методично и без вопросов. Датой в документах стал декабрь 2019 года — разумное постразломное Пробуждение. Иванов проверял его раз в несколько месяцев — на кофе в своём кабинете в РААНИ, где на полке стояло шестнадцать монографий и ни одной художественной книги. Денис тренировался сам, дошёл до Ведуна за год и никому не рассказывал про голос. Три года он шёл туда, куда велели, — без адреса, а потом пришёл в окошко 2 московского отделения РПРФ и посмотрел на ауру человека за стеклом — тёмную, глубокую, с качеством вещи, которая ждёт правильного часа, — и что-то у него в груди встало на место. Усталый человек со штампом ответил «скорее всего», когда его спросили, увидятся ли они ещё. Он не ошибся. Январь 2024. Среда. 9:17 утра. Кофе в чашке остыл примерно в восемь — Игорь это знал, потому что налил в восемь и с тех пор ни разу не притронулся: думать у него всегда получалось лучше с полной чашкой на столе. Велес — слово весило иначе, чем слова обычно весят: масса, которую не замечаешь, пока не попытаешься двинуться и обнаруживаешь, что она была там всегда. Из соседней комнаты доносился звук — методичный, почти бесшумный: Артём делал что-то с окнами, которые Игорь занёс три недели назад в раздел «не сего-

дня» и с тех пор не открывал. Некоторые задачи перетекали в юрисдикцию Артёма сами собой, без обсуждения. Игорь смотрел на телефон: сорок три непрочитанных от РПРФ, одно от Воронцовой с пометкой «срочно» — что для Воронцовой означало «когда будет момент», — и пропущенный звонок от номера, который он знал. Он позвонил в ответ. Денис взял на втором гудке. — Козлов, — сказал он, не спрашивая. — Да. — Ты жив? — Зависит от трактовки. — Ладно, уточню: тебя не нужно вытаскивать из Разлома или места лишения свободы? — Нет. — Тогда у нас три минуты до того, как тебе придётся что-то объяснять, а мне — слушать. Готов? Игорь посмотрел на кухню — холодный кофе, стоявший с восьми утра. Из соседней комнаты звуки стихли: Артём услышал разговор, и для Артёма тактичность была рабочим инструментом. — У меня в квартире живёт мёртвый охотник, — сказал Игорь. На другом конце помолчали секунду. — Он живёт там в смысле «временно находится» или в смысле «обустроился надолго»? — Последнее. — Тогда еду, тридцать минут. — Денис. — Да? — Не удивляйся. В голосе, который ответил, было что-то, что Игорь слышал у Дениса редко — конкретное, без иронии: — Козлов, я три года, одиннадцать месяцев и четыре дня шёл туда, где мне велели, без адреса — ещё час потерплю. Денис отключился. Игорь положил трубку и отправил Воронцовой: «Буду в двенадцать.» Ответ пришёл через двадцать секунд: «Не в двенадцать, в одиннадцать. Совещание по форме 7-Б, на ва-

шем рабочем месте.» Артём появился в дверях кухни — без спешки, просто есть. — Кто? — Человек, — сказал Игорь, — единственный, которому я позвонил. Артём кивнул — принял к сведению. — Что ему обо мне говорить? — Правду. — Какую? — Ту, которая есть. Артём молча вернулся к окнам, и звуки возобновились. Денис приехал через двадцать восемь минут, с пакетом из магазина за углом: гречка, хлеб, томатная паста и — по непрошенной инициативе — пачка ромашкового чая. Он остановился в дверях и посмотрел на Игоря. — Шина ещё? — Ещё неделю. — Говорят, ты вошёл без санкции. — Верно. — И вышел с двумя людьми вместо нуля. — Один был без сознания, второй — особый случай. Денис смотрел на него — калибровал, как смотрят на то, что нужно понять. — Покажи мне особый случай. Игорь отступил от двери, Денис вошёл и остановился. Артём стоял в середине кухни с влажной тряпкой в руке, смотрел на Дениса. Денис смотрел на него. Зрение у Дениса работало постоянно, как слух в комнате, где тихо играет музыка, и его лицо сделало то, что Игорь за три года ни разу не видел: замерло, пока информация искала категорию, в которую войти. Три секунды Денис смотрел на Артёма, потом — на Игоря, потом снова — на Артёма. — Он мёртв. — Был. — И? — И вот. Артём сказал: — Привет. Денис смотрел на него ещё секунду, потом спросил с точностью человека, умеющего выбирать первый вопрос: — Больно? Артём подумал — вопрос, которого ему ещё не задавали. — Нет. Ну, странно — но не

больно. Денис молча кивнул. Пакет лёг на кухонный стол, Денис сел, Игорь напротив, а Артём — сбоку, под углом, который одновременно входит в разговор и не навязывается, — поставил третью чашку и открыл пачку ромашкового чая без комментариев. — Рассказывай, — сказал Денис. Игорь рассказывал контур: девять точек на карте, схема Разломов Мора, координаты в архиве, складывающиеся в геометрию, существо в Лабиринтном Разломе, смотревшее с узнаванием, что-то, повернувшееся в нём самом. Зов. Артём. Денис слушал — по-настоящему, без параллельных процессов. Когда Игорь закончил, Денис помолчал, потом сказал медленно, подбирая точное слово: — Три года назад, когда ты смотрел на мою ауру — ты что-то увидел. — Да, — сказал Игорь. — Что? — Слишком давнее Пробуждение для даты в документах. Денис смотрел на него. — Ты знал. — Предполагал, это другое. — И не спросил. — Мой вопрос был: поставить штамп или нет. Я поставил. Денис помолчал, взял чашку ромашкового чая и поставил обратно, не отпив. — Я пробудился в декабре 2018 года. За три месяца до первого официального Разлома. Артём опустил свою чашку. — Молния, — продолжал Денис. — Дерево в двадцати метрах, я лежал на земле четыре минуты. Когда встал — мир был другим. А потом — голос. Женский. Одна фраза. Он не торопился, и Игорь не торопил. «Будь рядом с ним, когда придёт время.» — Я не понял, кто это «он», — голос Дениса остался ровным. — Три года не понимал. А потом пришёл в москов-

ское отделение РПРФ и посмотрел на твою ауру. Он помолчал. — Это был ты. Игорь смотрел на него, пока несколько вещей вставали на место: Пробуждение в декабре 2018-го; видение; «Будь рядом с ним»; три года без объяснений; окошко 2; двадцать минут вместо восьми; «Скорее всего». — Иванов знал, — сказал Игорь. — С декабря 2018-го. Он сказал: «Дату поменяем — это важнее правил». — Типично для Иванова. Артём встал, долил кипяток в чайник — он успел остыть — и вернулся на место. — Ну то есть он знал, что вы найдёте друг друга. И помог. — Да. — И три года никому не говорил. — Никому. Артём помолчал секунду. — Я хочу с ним познакомиться нормально, не по документам. — Организую, — сказал Игорь. Денис посмотрел на Артёма — долго, без торопливости — потом перевёл взгляд на Игоря. — Некромант из РПРФ, Восставший охотник второго месяца практики и Следопыт с аномальным Пробуждением, которого три года вёл голос в правильном направлении — и карта с девятью точками. — Да. — Что дальше? Игорь посмотрел на стол: холодный кофе, стоявший с утра, пачка ромашкового чая, появившаяся неизвестно зачем, рука Артёма рядом с чашкой — с той царапиной на среднем пальце, которую он не успел перебинтовать. — Для начала нужно понять, сколько у нас времени и в каком направлении двигаться. Денис взял со стола лист бумаги — в квартире Игоря она лежала всегда, классифицированная или ожидающая классификации — и положил между ними. — Карта. Пока-

зывай. Игорь посмотрел на лист, потом на Дениса, потом на Артёма, который сложил тряпку точным прямоугольником и положил на угол стола. — Это займёт больше тридцати минут, — сказал Игорь. — Козлов. — В голосе Дениса было то, что Игорь не умел называть точным словом: тепло человека, находящегося там, где он решил находиться. — Я почти четыре года шёл туда, куда велели, без адреса и без объяснений — ещё полчаса меня не разорят. Игорь достал карту. Девять точек, карандашные дуги, пометки на полях.

Глава 7

Денис организовал это в одну из февральских пятниц, когда Игорь мыл кружки. — Фёдоров возьмёт тебя наблюдателем, — сказал он из прихожей, расшнуровывая ботинок. Один ботинок упал на пол. — Он не в восторге, но в группе некомплект, и он не против, чтобы РПРФ выставил наблюдательную ставку. — РПРФ не выставляло ставку. — Я не сказал, что выставляло, я сказал, что он не против. Игорь поставил кружку на сушилку — разница между «выставило» и «не против» юридически вмещала примерно три часа разбирательства, а практически — ламинированный пропуск в кармане пальто, который два дня назад снова оказался у него на шее. — Когда? — Воскресенье, шесть сорок, станция «Домодедовская», у первого выхода. — Что за Разлом? — Две звезды. Подмосковье, Чехов — уведомление дали вчера, Фёдоров ведёт эту локацию три месяца, периодическая. — Денис снял второй ботинок. — Он профессионал: не будет разговаривать дольше, чем нужно, и не будет мешать — это лучшее, на что можно рассчитывать для первого раза. Игорь посмотрел на пропуск. Три года он регистрировал людей, возвращавшихся с таких выходов: по второй звезде с опытным составом смертность в официальной статистике была восемь и четыре, и большинство инцидентов приходилось на первые выходы — когда люди ещё путали то, что знали, с тем, что

умели. Он числился Некромантом — у Некромантов в реестре не было графы с показателем смертности, потому что в реестре их раньше не было. — Хорошо, — сказал он. Денис промолчал — это тоже было хорошо. Фёдоров стоял у выхода из метро за пять минут до назначенного, смотрел в телефон — данные, судя по всему, проверял уже не в первый раз. Сорок лет, подтянутый, шрам поперёк правой брови — аккуратный, прямой, не боевой. Ранг Ведун светился в ауре ровно, без пульсации, с краями, которые перестали искать границы. Он убрал телефон раньше, чем Игорь успел поздороваться. — Козлов. — Да. — Наблюдатель РПРФ. — Формально. Фёдоров оглядел его коротко. — Зрение Нави. — Пассивное постоянно, по запросу — шире. — В поле — молчите, если только не видите что-то критическое: тогда — одно слово, направление, без объяснений, в бою нет времени. — Понятно. — Критическое — значит группа погибнет, если я не знаю. Всё остальное придержите при себе. Разницу понимаете? — Три года регистрировал инциденты, — сказал Игорь. — Понимаю. Фёдоров уже смотрел в сторону оцепления. Остальные трое появились в течение следующих двух минут: Карина — Маг, Ведун, лет двадцати восьми, рюкзак сшитым компенсирующим контуром для левой руки (что-то с запястьем, хроническое, рабочее); Влад — Витязь, Ведун, ровесник, двигался тихо и правильно, с поставленной биомеханикой — явно из школы; последней пришла Нина — Следопыт, Кудесник, неожиданно молодая для этого ранга,

с аурой цвета тёмного золота с зеленоватым подбоем. Следопыт ранга Кудесник — редкость. В электричке до Чехова никто не разговаривал, что было правильно. Разлом открылся на восточной окраине лесополосы у Чехова — там, где жилые кварталы кончались и начиналось то, что официально называлось «рекреационной зоной» и что местные жители не посещали второй год по причинам, не требовавшим объяснений, — и чёрная нашивка на оцеплении гласила: «МЧС. Аномальный объект. Запрещено». Разлом выглядел как и должен был: несколько метров в диаметре, серебристый фон — обычный, стандартный цвет Предпорожья, а из-за края тянуло холодом и тем запахом, который Игорь уже знал — старое дерево и мокрый камень, и что-то ещё: запах места, где страх бывает часто. Нина встала у края, закрыла глаза на три секунды и открыла. — Четыре контакта на ближней дистанции, ещё два в глубине, около ста метров. — Она посмотрела на Фёдорова. — Псевдолесной биом, ориентировка стандартная, тропа правее центрального потока. — Привычная схема, — сказал Фёдоров. Потом посмотрел на Игоря. — За мной, дистанция три метра, не вперёд: увидите — говорите, не критическое — молчите. — Слышал. Они вошли. Предпорожье двойки не было похоже на то, что Игорь видел в Лабиринтном: деревья были деревьями, выше и темнее нужного, с корой, которая блестела там, где коре блестеть не следует — как кожа, — и с ветвями, двигавшимися без ветра, медленно, почти незаметно, но живее, чем

нужно. Зрение включилось само: потоки энергии здесь текли иначе, чем в жилых Разломах — по почве, по корневой системе, — и тёмные нити уходили вниз и пульсировали с той же частотой, что и дыхание чего-то, что ещё не появилось в поле зрения, но уже было. — Слева, — сказала Нина тихо. Влад развернулся, аура вспыхнула тёплым белым — Витязь под нагрузкой, — и из тени между двумя стволами вышла тварь. Игорь видел их в отчётах — фотоматериалы, описания по девятибалльной шкале угроз, — но живая тварь занимала пространство иначе: невысокое, длиной с крупного волка, суставы повернуты на несколько градусов дальше нормы, и это несоответствие, небольшое, почти незаметное, делало каждое движение неправильным. Глаза без зрачков, аура — тёмная, серо-зелёная, ранг Прозорец, ближе к верхней границе. Карина подняла руку, и молния — короткая, точная — ударила под переднюю лапу, туда, где сходились сухожилия. Тварь упала, Влад добил, не останавливаясь — всего восемь секунд. — Трое рассредоточились, — сказала Нина, — один — за нами. Фёдоров развернулся. Игорь смотрел влево: Зрение показывало два пятна — размытые энергетические следы, без чётких контуров, — твари двигались по почве, под поверхностью, шли по флангу, к тому месту, куда группа через двести метров должна была повернуть — если читать тропу так, как её читала Нина. Нина не видела этого: её восприятие фиксировало присутствие существ, маршрут под землёй оставался вне диапазо-

на. — Фланг, левее, глубина около пятидесяти метров, идут параллельно. Фёдоров не обернулся, кивнул чуть — так, как кивает человек, принявший данные к сведению. — Нина, разворот. Карина — центр. Группа перестроилась за десять секунд — слаженно, молча, — и то, что должно было выйти на фланге, вышло прямо в перекрёстный огонь. Три минуты одиннадцать секунд — ближняя часть была зачищена. Проблема обнаружилась глубже — там, где тропа раздваивалась. — Правая, — сказала Нина. Фёдоров развернул группу, а Игорь пошёл правее центрального потока и обнаружил, что там энергетический фон поднимался резко: сгусток, что-то концентрировалось, ждало — аура одного Ведуна. Нина это знала — она уже сказала «два контакта в глубине, около ста метров». Другое обнаружилось с левой ветки — где группа не шла. Слабое, рассеянное, типично маскировочное свечение — меньше ранга Прозорец, Нечуй, возможно, — оно двигалось неспешно, прячась под нейтральный фон. Направлялось к выходу из Разлома, огибая группу стороной, — к оцеплению, к сотруднику МЧС у ленты, который был один и не был Пробуждённым. Один из группы уходит за левой веткой — некомплект перед двумя тварями ранга Ведун в глубине. Он не уйдёт один. Игорь остановился. Первый раз он открывал дверь намеренно. Усилие, которое для этого требовалось, было скорее намерением, чем физическим действием — направленным точно, как карандаш к нужной точке на карте: просто — туда. Китеж откликнулся.

Артём оказался справа на полшага позади — деловой, собранный, с тем же выражением, с которым час назад чинил кухонный стул, обнаружив разошедшуюся нижнюю поперечину. Огляделся: влево, вперёд, вправо. — Разлом, — сказал он негромко. — Двойка? — Двойка. — Игорь говорил вполголоса. — Биом лесной. По левой ветке уходит одно существо к оцеплению — маскировочное. У ленты один эмчэсник, непробуждённый. — Ясно. — Двое справа, — добавил Артём, — за стволами, метров сорок. Стоят. Игорь посмотрел вправо — Зрение подтверждало: два сгустка в зоне основной цели, они ждали там, куда шла группа. Засада на входе в сужение — никто из четверых этого не ожидал. — Фёдоров. Фёдоров развернулся. — Засада. Правее тропы, сорок метров, двое, стоят. Фёдоров посмотрел на Нину. Нина закрыла глаза на секунду и открыла. — Подтверждаю, — сказала она — без удивления, принимая данные, только слегка сжала фонарик в левой руке. — Меняем вход. — Фёдоров уже разворачивал группу. — Карина — дуга влево, Влад — прямо, я — правее, Нина — поддержка. — Посмотрел на Игоря. — Левая ветка ваша? — Наша, — сказал Игорь. Фёдоров бросил взгляд на место рядом с Игорем, где стоял Артём, — ровно секунду. — Двигайтесь. Левая ветка была уже и темнее — маскировочное существо шло неспешно, и Игорь читал его по следу: слабый рассеянный контур, аккуратно размываемый каждые несколько шагов. — Пятьдесят метров впереди, — сказал он вполголоса. Артём шёл рядом

— бесшумно: Витязи двигаются тихо по умолчанию, это одно из немногих, чего стоит физическое усиление класса. — Как выглядит? — спросил Артём. — Рассеянная аура, около метра, движется низко, на четырёх. Маскируется под нейтральный фон — пока в Разломе, первым не нападает. — А если за ленту выйдет? — Снаружи маскировка слабее. Нападёт. У оцепления один эмчэсник, непробуждённый. — Ясно, — сказал Артём. И после паузы: — Умное, в общем. Разговор занял меньше минуты — хороший показатель. Существо Игорь увидел раньше, чем ожидал — тридцать метров, не пятьдесят: оно остановилось, почувствовало, вероятно, что за ним идут, и маскировка стянулась плотнее — чистый инстинкт. Через Зрение Игорь видел форму: небольшое, с широкой головой и непропорционально длинными передними лапами, замершее и оценивающее. — Артём. — Вижу. — Маскировка работает на рассеивание взгляда: если идти прямо, она не знает, куда рассеивать, — становится заметнее. В учебнике РПРФ такого не было — практика охотника, который умер в Разломе и теперь знал изнутри то, что раньше знал снаружи. — Иди прямо. Артём пошёл вперёд, Игорь — чуть правее, параллельно, удерживая существо в Зрении. Маскировка поплыла — по краям аура начала рваться, давая мерцающие вспышки, и существо почувствовало это: качнулось, дёрнулось и пошло к выходу. — Лево! Артём развернулся в полном движении — корпусом, без остановки, с правильной биомеханикой рывка — и перехватил, прижал

к земле. Существо вырывалось — неожиданно сильно для Омега-ранга, но Артём держал усилие ровно, сколько нужно. Через Зрение Игорь видел, как аура существа угасает, — маскировка рассыпалась полностью. Он качнул головой, Артём понял, и существо перестало быть проблемой. Артём выпрямился. — У него четыре ноги или шесть? — спросил он, отряхивая колено. — Я нормально не разглядел. — Четыре. Нечуй. Маскировочный вид. — А, — сказал Артём. — Ладно. Они вышли из Разлома через час и семь минут. Хороший показатель для двойки с засадой — потери ноль. Карина получила рикошет по левому плечу — маг-защитный контур отработал, синяк и ничего больше, Карина потёрла плечо механически и отвернулась, — а Нина запомнила восемь уничтоженных существ по основному коридору плюс одно по левой ветке. Итого: девять — стандарт для этой локации. Сотрудник МЧС у оцепления опустил голову, взял бланк, поставил печать. Артём стоял у края оцепления в феврале — солнце бледное, без претензий, и его тень на снегу была правильной длины, но когда он повернулся, тень повернулась на полшага позже. Игорь это видел. Фёдоров — нет. Артём вернулся в Китеж без слов — прощание предполагает разлуку, а разлуки не было. Фёдоров подошёл со стороны, встал рядом, смотрел на Разлом секунду-другую. Потом: — Я не знаю, что ты делаешь, но продолжай. Он ушёл к машине, Нина качнула головой — уже из-за плеча, мимоходом, — а Влад уже садился. Игорь остался у края. Солнце

в Подмоскowie в феврале поднималось медленно и неохотно, как человек, у которого нет причин торопиться, — Разлом мерцал в его свете, команда закрытия работала. Первый коммерческий выход — потери ноль: Нина не видела маскировочное существо, Фёдоров не видел засаду, оба знали своё дело лучше него. Зрение Нави давало другой угол обзора, этим и ограничивалось: у карты с двумя точками наблюдения другая информация, чем у карты с одной. «Я не знаю, что ты делаешь, но продолжай.» Ближе к комплименту от коллег в ближайшие несколько месяцев уже не будет. Он надел перчатки и пошёл к электричке.

Глава 8

Три выхода за две недели — по меркам РПРФ рекорд для старшего регистратора, по меркам людей, для которых это работа, — норма, ниже которой начинается голодный паёк. Игорь сел за цифры вечером, потому что цифры не врут, а Артём в соседней комнате чинил стул — ровно постукивал молотком, размахнулся, попал по пальцу. Ни звука — мёртвые не вскрикивают. Разлом 2, четыре участника — зачистка прошла без потерь, во многом потому, что был пятый, которого никто в составе группы не числил. РПРФ насчитало каждому по четырнадцать тысяч рублей, Фёдоров получил надбавку за лидерство — плюс восемь процентов, а категория «наблюдатель с особым статусом» в переводе с бюрократического означала: получаете, сколько скажем, и не задавайте вопросов. Четырнадцать тысяч минус двадцать восемь процентов налога РПРФ — десять тысяч восемьдесят рублей; минус двенадцать процентов страховки — восемь тысяч восемьсот семьдесят; минус расходы — новые ботинки, потому что прежние разъела слизь из скрежета, специальный состав для обуви, специальный состав для клинка, регенерирующий пластырь, который в охотничьих аптеках продают втрое дороже обычного. Итого из трёх выходов на руки: двадцать одна тысяча шестьсот рублей — Игорь укладывался в плюс. Такая математика. Он записал её в тетрадь — ста-

рая привычка, ещё с исторического, — а на соседней странице лежала другая таблица: тактические наблюдения за три выхода, колонки «проблема», «решение», «источник решения». В третьей колонке в восьми случаях из десяти стояло одно слово. Артём. Он был лучшим партнёром, который у него когда-либо был, — и понимал это достаточно отчётливо, чтобы не произносить вслух. Скорость и сила тут были ни при чём — Артём не боялся. Фёдоров — опытный, хладнокровный профессионал ранга Ведун — при виде тварей, которых не засёк его датчик, делал паузу в четверть секунды, а в коридоре складского комплекса эта пауза почти стоила им Стеценко. Артём паузы не делал. Он уже умирал — это меняет отношение к большинству вещей. На втором выходе — Разлом в подвале торгового центра в Бибирево, кикиморы, копирующие лица, — двое охотников в группе потеряли по семь секунд: стояли и смотрели, как «коллега» ставит ногу чуть раньше, чем должен при таком весе. Что-то внутри говорило им: не человек. Что-то другое не давало поверить. Второе убивает в Разломах чаще, чем когти. Артём увидел первую кикимору раньше всех — голос в голове Игоря прозвучал без предупреждения: — Слева. Это не Стеценко. Игорь поднял руку, группа встала, а кикимора прыгнула — и не успела. После выхода Стеценко спросил, как он понял, и Игорь сказал, что у неё была неправильная тень. Стеценко покосился в ту сторону, где лежало то, что осталось от кикиморы, дёрнул подбородком и больше не спраши-

вал. Третий выход Игорь записал отдельно. Разлом 2 в Орехово-Борисово, бывший промышленный корпус — плановая зачистка. Вошли в восемнадцать тридцать, вышли в двадцать два пятнадцать: четыре часа — для 2 почти вдвое больше нормы. Причина: в глубине корпуса обнаружился железный медведь. По классификации РААНИ — монстр ранга Кудесник–Волхв, в Разломе с заявленным потолком Ведун: это называется «несоответствие реальной степени» и является основанием для двух вещей — двойного бонуса к выплате и иска к агентству, которое проводило первичную оценку. Фёдоров набрасывал текст претензии на мобильнике, пока остальные ждали снаружи. Мы его не убили — Игорь его поднял. Это случилось само — не без его воли, но быстрее, чем он рассчитывал: медведь был мёртв двенадцать минут, достаточно свежий, чтобы Система Нави почувствовала его раньше, чем он успел сформулировать намерение, и что-то внутри — тот самый жернов, который повернулся в Замоскворечье, — качнулось в его сторону и потянуло. Игорь открыл дверь — не в смысле образа, просто открыл, изнутри. Медведь сел — тяжело, с усилием, — потом поднялся: почти два метра в холке, бронированный, с пробойной в боку, которая уже не кровоточила. Глаза стали тускло-серебряными, как свет в Нави, и он смотрел на Игоря. Артём стоял рядом и не шевелился. — Встань за мной, — сказал Игорь медведю. Он встал — без паузы, без подтверждения, без осмысления. Фёдоров, наблюдавший это с дистанции пятнадцати метров,

убрал мобильник в карман — текст претензии подождёт, — опустил клинок и долго ничего не говорил. Потом: — Козлов, ты понимаешь, что делаешь? Игорь подумал секунду. — Работаю. Запишите в рапорт, что угроза нейтрализована. Фёдоров смотрел на него, потом на медведя, потом снова на него. — Это правда, — добавил Игорь. Домой он возвращался в полночь с небольшим — в метро было пусто, Артём сидел рядом и смотрел в тёмное стекло. Его отражение было чётким — Игорь проверил сразу, потому что давно ждал, что оно окажется другим, — но оказалось другим иначе: Артём моргнул, отражение моргнуло через две секунды. Игорь засёк по часам, потом убрал телефон, потом засёк снова. Сорок секунд — Артём. Девяносто — отражение. Навь держала его чуть позади — расстояние будет расти. — Ты заметил разницу? — спросил он. Артём не переспросил, о чём именно. — Да. — И? Артём помолчал, не отрываясь от стекла. — Медведь делает что скажешь и молчит, — сказал он наконец. — Обычно это плюс. — Чаше плюс, — согласился Игорь. — Угу. — Артём отвернулся от стекла. — Пока ты не облажаешься. Точное наблюдение — у медведя такого не было. Игорь достал тетрадь и дописал в таблицу: «Источник решения — собственный анализ, Восставший-человек». В колонке «проблема» стояло: «Угроза за пределами прямой видимости». Потом закрыл тетрадь и подумал о том, что ему не нравится в этой записи. Медведь поднялся, потому что был рядом, был мёртв недолго и потому что Система Нави разре-

шила — никакого выбора с его стороны, никакого «принять или нет»: открытая дверь, и он вошёл. Или его втащили — разница неочевидна снаружи, внутри — огромна. Медведь выполнял приказ — Артём думал рядом. В квартире было темно — Артём ушёл в Китеж, а медведь оставался снаружи. квартира для него маловата. Игорь оставил его в подъезде, что не прибавило любви соседей, хотя соседи к тому времени уже привыкли к странным гостям нового жильца. Он сел за стол и открыл ноутбук. Новый файл — сверху написал: «Вопросы без ответов». Что происходит с человеком, которого я поднял? Он чувствует что-то, он думает — Система Нави фиксирует: он принимает зов сам. Но кем он восстаёт — тем же человеком, которым был до, или чем-то новым, что носит его имя и его память? Артём сказал однажды, что помнит последнюю секунду перед смертью — Игорь не спросил, что именно. Живые люди такого не помнят. Артём — помнит. На улице что-то скрипнуло — медведь переступил с лапы на лапу в подъезде. Игорь закрыл ноутбук — две тонны бронированного мяса в подъезде, практическая проблема, а практические проблемы он умеет решать. Остальные — научится.

Глава 9

Папка легла на стол в 14:22. Рожкова закончила тренировку в 14:10, приняла холодный душ, выпила кофе — он остыл, пока она шла от душевой до кабинета. Аналитик Светлов оставил материалы без комментариев. Для него это было редкостью, и редкость стоила внимания. На папке стоял штамп «РПРФ — отдел мониторинга», стандартный межведомственный обмен. В последний раз такое приходило в октябре, когда РПРФ фиксировал аномальную концентрацию существ ранга Кудесник в Северо-Западном округе: данные, которые её аналитики знали на две недели раньше, чем документ добрался до стола. Она открыла папку. Мужчина, около тридцати с небольшим — хотя первое впечатление давало больше. Серые глаза с прищуром, какой появляется у людей после долгих лет работы с чужими данными. Тёмные волосы, щетина, бейдж регистратора на шнурке. Фотография из реестра: анфас, нейтральный фон. Козлов Игорь Андреевич. 27 лет. Старший регистратор московского отделения РПРФ. Ранг на момент первичной регистрации — Нечуй. Класс — некромант. Она прочитала последнее слово дважды, закрыла папку и открыла снова. Некроманты в её профессиональной практике существовали в двух видах: академические упоминания в классификациях РААНИ — категория «некласс», раздел IV, примечание о теоретической возможности, — и

полевые донесения из глубоких уровней Нави, откуда разведчики возвращались редко и неизменно с неполными данными. Некромантов не было за стойкой регистратора РПРФ. Некроманты не работали пять лет с трудовой книжкой, страховым взносом и графиком приёма новоприбывших по понедельникам. Рожкова прочитала всю папку от первой страницы до последней: отчёт тестирования способностей на четырнадцать страниц, из них три — о том, почему стандартная шкала к объекту неприменима; полевые данные по трём выходам — две звезды с нулевыми потерями, последний — двойная звезда с незаявленным монстром ранга Кудесник, нейтрализованным способом, который аттестационный офицер Сергеев описал как «не соответствующий ни одной задокументированной методике». В строке «ранг на текущий момент» стояло: «некласс ранга. Временная категория». Во временной категории Козлов числился уже три недели. Менять её, судя по всему, никто не торопился — не знали, на что. Рожкова посмотрела на фотографию, перевела взгляд в окно и вернулась к снимку. Пять лет трудового стажа, ранг Нечуй при Пробуждении, каким-то образом превратившийся в «некласс ранга», три выхода за две недели с нулевыми потерями — в условиях, где стандартные группы теряли в среднем одного участника из шести. Она не понимала, чем он был. Непонятное требовало наблюдения. — Светлов, следующий выход Козлова — где и когда? Светлов ответил через двадцать секунд. — Завтра. Разлом 2, Орехово-Борисо-

во, разведочная зачистка, группа Фёдорова, стандартный состав — Козлов числится наблюдателем РПРФ. — Меня там не будет. Секунда тишины. — Понял, — сказал Светлов. — Значит, будете. Она приехала за двадцать минут до группы. Разлом располагался в пространстве, которое когда-то было складским комплексом — три корпуса, метров восемьдесят в длину каждый, — и фонил слабым серебряным свечением поверх первого корпуса. Рожкова встала у дальнего края оцепления, у трансформаторной будки: угол обзора оттуда держал все три точки возможного входа. Куртка — не её, тёмная, без маркировки «Авангарда»; очки от солнца, которое в феврале было чистой формальностью. За оцеплением глухо шумела трасса — единственное, что этим утром выглядело обычным. Внешность она не меняла — просто стояла не там, где её ждали, и обычно этого хватало. Группа Фёдорова появилась в 09:11. Следопыт Нина — ранг Кудесник, тёмное золото с зеленоватым подбоем, редкость для коммерческих групп; Витязь Влад, Маг Карина — стандартный состав для двойки с разведочной историей. За ними — пятый. Рожкова не смотрела в его сторону специально: взгляд лёг и остался. Козлов шёл последним, чуть в стороне от группы, не демонстративно — просто как человек, привыкший существовать в своём темпе. Куртка на размер больше нужного, пропуск РПРФ на шнурке, рюкзак без маркировки, самый обычный. Реакция на полсекунды медленнее нормы: слабый противник, если дойдёт до дела, — не сложнее прочих. Она

использовала Зрение. И остановилась. Аур Козлова была неправильной — совершенно другой природы, ничем не похожей на то, что Рожкова видела за восемь лет полевой работы. Опасностью это не читалось. Читалось как то, чему нет категории. Большинство аур имели форму — размытое поле вокруг тела, с концентрацией в характерных точках: Витязи светились в плечах, Маги — в ладонях, Следопыты — вокруг головы. Аур Козлова точки концентрации не имела: уходила вниз, глубже земли под ногами, туда, куда Зрение Рожковой обычно не проникало — там ничего не должно было быть. Так в Нави выглядело то, что к ней принадлежало, — но это был живой человек. Она видела его дыхание, видела, как он щурится от слабого февральского солнца, — живой человек, чья аур уходила туда, куда уходят мёртвые. И тогда это случилось. Тело среагировало раньше головы — то самое тело, что умирало пять раз и знало, как выглядит порог: запах озона, давление в ушах, ощущение грозы при чистом небе. Она знала этот сигнал: пять раз, перед каждой смертью, он приходил за секунды до удара. Только сейчас грозы не было. Не было монстра. Ничего — кроме человека в куртке на размер больше, который смотрел на Разлом и не видел её. Рожкова подавила сигнал — как подавляла его всегда: тело слушалось, оно привыкло, что голова иногда принимает странные решения. Она выдохнула. Запись 17 в блокноте, которую никто не читал, стала сегодня на одно предложение длиннее — это могло подождать. Ощуще-

ние человека, которого она ещё не встречала, но уже знала, — раздражало. Она вошла в Разлом через пять минут после группы — в промежутке между плановой сменой сотрудников МЧС. Витязь-Абсолют, единственный в России, мог находиться в любом Разломе без уведомления. Предпорожье двойки: псевдолесной биом, деревья не совсем деревья, корневая система ведёт себя как что-то более живое, чем нужно. Рожкова шла параллельным маршрутом, дальше и правее от основного потока группы, где Зрение позволяло держать контакт без визуального присутствия. Группа зачищала слаженно. Карина клала молнию именно туда, где она решала исход, — в точку максимальной уязвимости; Нина говорила мало, но всегда первой, за секунду до того, как контакт становился неизбежным. Рожкова смотрела не на них. Козлов держался на полшага позади Фёдорова — номинально наблюдатель, фактически что-то другое: в контакт напрямую не вступал, говорил коротко, точно, без интонации, и группа принимала это к сведению. Там, где Нина сканировала по горизонтали, Козлов смотрел по вертикали — в глубину почвы, в корневую систему, в то, что пряталось под поверхностью. Его подсказки шли туда, где не должны были иметь смысла. Но имели. Рядом с ним никого не было видно. Нет — не совсем так. Рожкова перестроила Зрение, убрала верхний слой восприятия и посмотрела глубже. Там был ещё один. Молодой мужчина, двадцать лет, не больше, двигался рядом с Козловым так же естественно, как двигаются люди

в давно отработанной паре: без переговоров, с той координацией, которая возникает либо от долгого опыта, либо от чего-то другого. Его аура светилась не так, как у живых, — в Нави так светятся те, кто находится между состояниями. Восставший, поняла она. Она читала об этом в отчёте, думала, что отчёт преувеличивает. Отчёт не преувеличивал. Молодой охотник — ранг Прозорец, второй месяц практики по документам, погибший в Лабиринтном Разломе в Замоскворечье — шёл рядом с некромантом из реестра РПРФ и явно думал. Это читалось даже через Зрение: собранность в ауре, которой у поднятых монстров не бывает. Монстры не думают. Монстры выполняют. Этот — думал. Рожкова прибавила шаг, держась в тридцати метрах за деревьями. На середине маршрута Козлов повернул голову — не туда, куда поворачивают на звук справа, не туда, куда поворачивают, проверяя тыл. Он посмотрел прямо туда, где стояла она, — достаточно долго, чтобы разглядеть. Отвернулся и пошёл дальше тем же шагом, будто ничего не заметил. Рожкова замерла — и не сразу заставила себя вернуться к наблюдению. Водный сектор обнаружился в дальнем крыле второго корпуса. По плану — не должен был: разметка трёхмесячной давности обозначала здесь «закрытый нежилой биом». Планы Разломов устаревают в тех деталях, которые имеют значение. Старый подвальный уровень, частично затопленный — вода до колена, тёмная с одной стороны и светящаяся холодным зеленоватым светом с другой. Запах — сырость, холодный ка-

мень и что-то ещё: острое, слегка дымное. Группа остановилась у порога. Нина закрыла глаза, открыла. — Одиночный контакт. Малый. Не агрессивный — пока. — Природа? — спросил Фёдоров. — Не определяю точно: водный биом, слабое инфразвуковое присутствие. Существо появилось из воды у противоположной стены, не торопясь — так выходит то, что не собирается нападать первым, но хочет быть замеченным. Небольшое, по виду ребёнок лет семи-восьми, девочка в одежде, которой не было ни в одном магазине этого столетия: мокрые волосы, прилипшие ко лбу, тёмные немигающие глаза. Она смотрела на группу и открыла рот. Инфразвуковой вой Навки не слышался в буквальном смысле — только по эффекту: Карина качнулась и схватилась за стену, Влад остановился на полушаге и несколько раз моргнул, не понимая, куда делись секунды. Даже Нина напряглась: ориентацию не потеряла, но свечение её ауры усилилось — защитная реакция Следопыта на сенсорное давление. Фёдоров потянулся к клинку. — Стоп, — сказал Козлов тихо, без нажима. Фёдоров остановился. Сработал тон — спокойная уверенность человека, который знает, о чём говорит. Козлов сделал три шага вперёд, вошёл в воду по щиколотку, не заботясь об обуви, и остановился в семи метрах от существа. Рожкова переключила Зрение. На девочку у стены накладывался другой облик — истинный, поверх видимого, как два снимка на одном стекле. Навка — дух незавершённого, принявший облик ребёнка, чтобы вместить то, что не может за-

вершиться: старая, усталая, потерянная. Козлов смотрел на неё мгновение и сказал: — Акси́нья. Одно слово — без вопроса, без интонации ни в одну сторону. Имя, каким называют то, что узнали. Существо замолчало сразу. Тёмные глаза смотрели на Козлова. Он не двигался. — Акси́нья, — повторил он. — Ты здесь давно. Навка смотрела на него, потом чуть склонила голову — движение настолько знакомое, настолько человеческое, что Карина у стены издала тихий звук, не похожий ни на слово, ни на крик. — Мы уходим, — сказал Козлов. — Ты можешь остаться. Развернулся спокойно и пошёл обратно к группе, вышел из воды, встал рядом с Фёдоровым. Навка у стены медленно опустилась обратно в воду: зеленоватый свет под ней сперва усилился, затем начал гаснуть. Группа стояла в молчании. — Это что сейчас было? — спросил Фёдоров, опуская клинок, который так и не понадобился. Тоном профессионала, которому по регламенту полагается объяснение. — Навка, — сказал Козлов. — Я знаю, что Навка. Я спрашиваю — что ты сделал. — Назвал её по имени. — Откуда ты знаешь её имя? Козлов посмотрел на воду, туда, где последний отблеск зеленоватого света ушёл в глубину. — Зрение Нави показывает имена. Иногда — когда существо его помнит. Фёдоров помолчал. — Почему не убил? Козлов повернулся к нему, и во взгляде был только ответ на вопрос. — Она напугана, — сказал он. — Мы тоже были бы. Фёдоров перевёл взгляд с него на воду. — Запишу в рапорт как «угроза нейтрализована без боевого кон-

такта». Это правда? — Правда. — Тогда выходим. Рожкова стояла у дверного проёма весь разговор и смотрела на Козлова — на его ауру, которая в водном секторе стала другой, чем снаружи: глубже, плотнее, будто место давало ему что-то, чего не давали обычные Разломы. Рядом с ней возник Денис Орлов — она не слышала, как он подошёл: Следопыт его класса умел двигаться бесшумно, когда хотел. Он вышел из тени за её правым плечом и молча смотрел туда же, куда она. Когда Козлов сказал про «напугана», Орлов улыбнулся — не широко, уголком рта. Так улыбаются, когда ожидания оправдываются, и это всё равно приятно. Она вышла из Разлома на семь минут раньше группы. Холодный воздух снаружи ударил в лицо — как это бывает в феврале в Подмосковье. Рожкова встала у той же трансформаторной будки и смотрела на вход. Козлов вышел последним. У входа он выдержал паузу — привычка отделять «внутри» от «снаружи», — потом надел перчатки, поднял воротник. Его взгляд прошёлся по оцеплению, по дуге, остановился на трансформаторной будке. На ней. Рожкова не шевельнулась, не отвела взгляд. Прячущихся выдаёт ответное движение, не сам факт наблюдения. Козлов смотрел, не отводя взгляда. Продолжил надевать перчатки и пошёл к Фёдорову. Между ними не было произнесено ни слова. Рожкова не была уверена, видел ли он её, или видел кого-то у будки и счёл это незначительным, — и не была уверена ни в чём из того, что думала о нём последние два часа. Она достала телефон и набрала со-

общение Светлову: «Наблюдение завершено. Нужна встреча завтра. 9:00». Убрала телефон и последний раз посмотрела на группу, расходившуюся к машинам. Некромант из реестра: пять лет трудового стажа, знает имена Навок, не убивает то, что напугано, видит иначе, чем должен. Нейтрализовал угрозу без боевого контакта. Аура, уходящая туда, где у живых ничего нет. Восставший рядом с ним. Инфразвук Навки, остановивший всю группу — кроме него. И взгляд, брошенный прямо на неё. Классифицировать этот взгляд она не смогла. Что-то похожее на то, как фиксируют информацию: увидел то, что хотел знать, и убрал это в категорию «пока непонятно». Рожкова была хорошим охотником — восемь лет, пять смертей, несколько сотен Разломов, — но Козлова прочитать не смогла, и это раздражало. Значит, она вернётся. Орехово-борисовский февраль занимался своим делом — ветер, голые деревья, серое небо. Разлом мерцал на прощание, серебристый, обычный. Навка по имени Аксинья больше не выходила из воды.

Глава 10

На кухонном столе Игоря не было места для чашки чая, поэтому чай стоял на подоконнике — такой же холодный, как снаружи, и такой же бесполезный; он поставил его туда пятнадцать минут назад без намерения пить: руки должны были что-то делать, пока голова работала. Стол занимали семь листов РААНИ — академические данные, которые Иванов передал неформально, со степенями засекреченности от «для служебного пользования» до «публикация нежелательна»; четыре страницы КАР — Денис добыл через знакомых в ведомстве, неофициально, по каналу, существование которого формально не подтверждено; цифровые данные из собственных выходов, конвертированные в бумагу — потому что бумагу можно класть на стол, перемещать, держать рядом с другой бумагой и смотреть на всё это одновременно, чего монитор не позволяет. Карта лежала отдельно, у края. Другая карта — та, что висела за стойкой три года, была маленькой, административной, с Разломами как точками; эта куплена в пятницу в магазине канцелярии и склеена из двух листов скотчем: крупный масштаб, топографическая, весь бывший СССР плюс кусок Монголии справа и Финляндия сверху. Карандашные точки появлялись на ней в течение последних трёх дней. Владивосток. 2022 год. Разлом Мора. Владивостокская катастрофа была первым собы-

тием, которое перестало помещаться в категорию «аномальное, но управляемое»: Северный район, тридцать семь тысяч погибших — первый Разлом, который нельзя было зачистить, только запечатать. КАР давал характеристику энергетического профиля, и профиль был нестандартным: обычный Разлом Мора даёт признаки первичного Нав-прорыва — хаотичный поток, нестабильный барьер, максимальная плотность в точке разрыва — и постепенно расширяется до тех пор, пока не становится устойчивым или не закрывается. Этот не расширялся: стабильный с первых двадцати четырёх часов, что для Разлома Мора сопоставимо со стабильностью взрыва — если только взрыв не управляем намеренно. Игорь записал это, обвёл и поставил Владивосток первой точкой. Астраханская область. 2023 год. Три инцидента: два зарегистрированных РПРФ, один — в архиве КАР с пометкой «неподтверждённый источник». Схема та же: стабильный Разлом с первых суток, нестандартный энергетический профиль, характеристики, не совпадающие ни с одним из трёх сотён задокументированных Разломов Мора в базе РА-АНИ. Полярный Урал, Ухта, Красноярский край — три деревни; подмосковная аномалия 2018 года, официально классифицированная как «сейсмическая активность нелокального характера» и не имевшая сейсмической природы ни с какой стороны, — та же точка, что теперь стояла на карте красным маркером. Игорь расставлял точки — по одной, с датами, которые записывал сбоку. Потом взял линейку. Линейка

была не для измерений — для ориентира: он клал её между двумя точками, смотрел на расстояние, угол, соотношение, потом на третью точку, потом снова на первые две, потом перевернул карандаш и поставил три новые точки — там, где ничего пока не было, там, куда линейка указывала, если её продолжить. Из девяти точек он видел восемь. Девятую — Москву — не ставил, потому что она стояла там раньше, красным маркером, ещё когда карта только лежала перед ним: точка, которую он не мог не видеть с первой секунды — Большой Лабиринтный Разлом в Замоскворечье, тот, что активировал его, — под которым, если верить данным РААНИ, барьер был тонким ещё до первого зафиксированного Разлома в истории и продолжает истончаться. Девять точек — кластер с геометрией, которой у природы нет причин. Слово, оформившееся в голове, было диагнозом: Нексус — название для того, что уже есть, и то, что существует под этим именем, не спрашивало разрешения на существование. Таких мест в теории конечное число — Иванов говорил об этом ровно так, как говорят о вещах, которые интересны академически и не имеют прикладного значения. Прикладное значение обнаружилось с картой. Девять точек — девять нексусов, и что-то происходило с ними последовательно, планомерно, с датами, которые складывались в хронологию чьей-то работы, у которой не было природного объяснения. Игорь снял очки, протёр о рукав свитера и надел обратно. Из коридора донёсся тихий звук: Артём прошёл от ванной к комнате,

не заходя на кухню — его тактика последних двух недель, не мешать, когда карта лежала на столе. Игорь не просил об этом — Артём сделал вывод сам. Он взял блокнот и написал: «Девять нексусов. Это работа. Вопрос: чья — и зачем.» Потом перечеркнул «зачем» и написал рядом: «зачем — потом. Сначала — кто.» Следующим был собственный служебный архив РПРФ — к нему у него был доступ как у старшего регистратора: всё зафиксированное по Разломам на территории РФ с 2018 года до текущего момента, включая данные о зонах оцепления, медицинские сводки из районных больниц, запросы от МЧС и оперативные донесения о числе гражданских, эвакуированных с каждой локации. Именно скучное Игорь искал сейчас. Потому что в данных КАР по Астраханской области была одна строчка — в разделе «сопутствующие инциденты», написанная таким языком, который используют, когда хотят сообщить что-то, не привлекая к этому внимания: «Локальные случаи неопознанных заболеваний среди гражданского персонала в зоне оцепления, нозологически не классифицированные, разрешились самостоятельно в течение двух-трёх недель». Одна строчка — в документе на восемьдесят четыре страницы. Игорь провёл с ней примерно сорок секунд. Потом открыл медицинские сводки из РПРФ-архива по всем локациям с карандашными точками: Владивосток, Полярный Урал, Красноярский край, Ухта. Он искал три вещи: жар, ломоту в суставах и бессонницу. Владивосток: двести семнадцать обращений в

медпункт в первые шесть суток после эвакуации, диагноз — «острое стрессовое расстройство с соматическими симптомами»; среди симптомов — субфебрилитет в ста восьмидесяти трёх случаях, болевой синдром в мышцах и суставах в двухстах двенадцати, нарушения сна в ста девяносто семи; разрешились самостоятельно в течение двух-четырёх недель. Он взял карандаш и провёл линию. Полярный Урал — восемнадцать случаев; Красноярский край, деревня Нижняя Пойма — сорок четыре; документация скудная в обоих: малые населённые пункты, единичные инциденты, но в каждом были одни и те же три слова — «жар, ломота, бессонница» — словно кто-то заполнял форму по заранее написанному списку. Ухта. Здесь архив был плотнее — медицинская сводка на двенадцать страниц, и Игорь читал её без спешки. Жар, ломота, бессонница — у большей половины персонала в зоне первичного оцепления. Потом он открыл бестиарий РААНИ — тот раздел, который Иванов давал как рабочий материал. Лихорадка. Двенадцать Сестёр. Ранг Ведун — демоны болезни в образе женщин; места появления: Разломы Мора, зоны эпидемий; три недуга, передаваемые касанием: жар, ломота в суставах, бессонница — те же три слова из медицинских сводок на каждой из локаций. Игорь смотрел на страницу секунд десять, потом отложил её, взял блокнот и написал: «Два следа. Пространственный — нексусы. Биологический — симптомы Лихорадки у персонала оцепления в каждой точке. Случайность исключена: несколько незави-

симых локаций, одинаковый профиль, идентичная симптоматика. Лихорадка привязана к Разломам Мора — в обычных её нет. Что это означает: в каждой точке на карте что-то присутствовало достаточно долго, чтобы оставить биологический след. Присутствие — длительное.» Добавил: «Кто-то готовил эти места. Намеренно. Планово. И достаточно долго, чтобы Лихорадка успела выйти наружу.» Положил карандаш, взял красный — которым метил только то, в чём был уверен, — и добавил на карту маленькие символы рядом с пятью из девяти точек. Потом смотрел на карту три минуты. Пять точек с биологическим следом, все девять с нестандартным энергетическим профилем, все девять с признаками намеренной подготовки. Нексусы, которые кто-то готовил — к чему именно неизвестно, но если принять логику данных: за таким масштабом и такой методичностью стоит субъект, вышедший далеко за пределы человеческого. Иванов знал про нексусы — три года работал с теорией, которую считал академической, и если показать ему карту, он увидит то же самое, но, возможно, с данными, которых у Игоря нет: теоретическими, историческими, теми, что лежат в архивах РААНИ. Он посмотрел на часы: 00:47, взял телефон. Иванов ответил на третьем гудке — голос был бодрым, рабочим. — Козлов? — Всеволод Павлович, мне нужна встреча. Иванов помолчал — секунду, не больше. — Завтра. Восемь утра, кафе напротив РААНИ. — Хорошо. — Карту возьми. — Возьму. — До утра. Связь прервалась. Кафе напротив РААНИ,

а не кабинет самого Иванова — Игорь отметил это машинально: профессор Петренко, директор Академии, могла не одобрить визит регистратора РПРФ с картой, испещрённой намёками на нексусы, и Иванов выбрал нейтральную территорию не случайно. Игорь положил телефон рядом с картой, встал, снял чай с подоконника, вылил в раковину, поставил чайник. Из коридора донёсся звук. — Артём. Тот появился в дверном проёме. — Утром встреча. В восемь. Можешь не ждать. — Я не жду, — сказал Артём. — Я починил розетку в ванной — она не работала три недели. Игорь смотрел на него секунду. — Ты заметил три недели назад? — В первый день. Ждал, пока у тебя освободятся руки. — У меня не освободились руки. — Знаю, поэтому починил сам. — Ты ел сегодня? Игорь подумал — технически да, в три часа дня, что-то из того, что Артём приготовил и оставил на плите. — Да. — Ладно. — Артём уже разворачивался. — Там ещё лампочка в коридоре мигает. Но это завтра, — и ушёл. Чайник закипел. Игорь заварил чай, принёс к столу, сел напротив карты — девять точек, нексусы, которые кто-то готовил последовательно, в местах, где барьер был тонким ещё до того, как стали появляться Разломы. В восемь утра Иванов увидит карту, и тогда оба будут знать следующий вопрос. Он выпил чай — до дна — и убрал карту в рюкзак.

Глава 11

Оперативная сводка легла на стол в 07:41: нападение на квартиру Иванова — четверг, ночь, четыре человека, двое не ушли; профессор жив и переведён на конспиративный адрес. Рожкова прочитала дважды и отложила. Координированная операция по закрытому академическому адресу означала одно из двух: либо внутреннюю утечку из РААНИ, либо источник снаружи, который такого доступа не имел — и получил. Оба варианта нравились ей примерно одинаково, то есть не нравились совсем. Запрос на встречу пришёл в 09:03. Лично ей, минуя каналы РПРФ. Шесть слов без предисловий: «Анастасия Игоревна, мне нужны данные КАР» — без единой формулы вежливости, которая готовит собеседника к просьбе. Факт потребности, адресованный человеку, у которого эти данные были. Рожкова прочитала сообщение дважды, отложила телефон и взяла его обратно. Откуда у него её личный номер, она не знала. Светлов мог дать — формально это нарушение внутреннего регламента, по сути — то, что делают аналитики, когда понимают, что регламент уже опоздал. Мог дать Иванов. Денис Орлов — почти наверняка. Список людей с доступом к её личному номеру насчитывал девятнадцать человек, и Козлов Игорь Андреевич в нём не числился. «Данные КАР» — закрытые отчёты Комитета по Аномальным Разрывам. Такой доступ в России имели два

ведомства, и одно из них — её. Она написала: «Завтра. 11:00. Адрес пришлю». Ответ пришёл через минуту: «Хорошо». На этом переписка закончилась. Место она выбрала сама. Свой кабинет отпадал — слишком много информации в визуальной среде; нейтральная кофейня отпадала — слишком открыто для разговора о документах КАР. Она остановилась на конференц-зале третьего этажа ведомственного здания в Хамовниках: стол, четыре стула, окно во внутренний двор. Видеозапись отключила в 10:58. Она пришла в 10:47, разложила папки, осмотрела комнату. Одну папку убрала в сторону — ту, которую он не должен был увидеть сразу. Потом села и прикинула, чего ждать. Вариантов было три, не больше, и все три она наблюдала у людей с нестандартными способностями в нестандартных ситуациях. Первый: самоуверенность на месте уверенности, когда заходят так, будто комната уже их территория. Второй: глухая защита, когда молчание и вежливость работают как щит. Третий — хуже всех: человек знает, что он такое, и ему от этого не легче. Таких она встречала дважды, оба раза по делу, и оба раза это было неприятно. Козлов Игорь Андреевич вошёл ровно в 11:00 — она посмотрела на часы, потому что смотрела всегда. Поле даёт одну версию человека, переговоры — другую. Здесь перед ней был мужчина лет тридцати, который снял куртку у двери, потому что в комнате натопили, и положил её на спинку стула так, как кладут вещи люди, занятые другим, пока руки выполняют механическую работу. Рубашка с рас-

стёгнутой верхней пуговицей, след от ремешка часов на запястье. Он сел напротив и несколько секунд смотрел на стол — выстраивал порядок разговора. — Анастасия Игоревна, — сказал он так, как произносят координату: точка отсчёта, дальше работа. — Козлов, — ответила она в том же духе. — Вы видели меня в Орехово-Борисово, — он не спрашивал. Рожкова смотрела на него, и он смотрел в ответ спокойно: факт был озвучен, чтобы его больше не пришлось обходить. — Видела, — сказала она. — И в водном секторе. — И там. Он кивнул: принято к сведению. — Тогда вы успели составить впечатление. Уточню сразу: то, что вы видели, — стандартная рабочая практика. Впечатлять вас мне было незачем. — Этим и объясняется его точность, — сказала она. Он удивился — ровно настолько, насколько позволил себе удивиться. — Вы принесли КАР? Рожкова положила ладонь на папку и не стала её открывать. — Сначала три вопроса. Он ждал. — Почему КАР, когда есть РААНИ? У Иванова доступ к большей части того, что здесь. Зачем вам я? — РААНИ — академический архив, Иванов работал с теоретическими данными. КАР — полевой. Там есть то, чего в РААНИ нет: медицинские сводки из зон оцепления, данные по гражданским инцидентам, энергетические профили Разломов в режиме реального времени. Вы — второй человек с доступом к КАР, которого я мог запросить. — А первый? — Не в России. — Запомню, — сказала она и не стала уточнять. — Второй вопрос. Что именно вы ищете? —

Паттерн. Разломы Мора не случайны, я знаю, где они возникали, мне нужны характеристики: энергетический профиль первых двадцати четырёх часов, медицинские данные персонала оцепления, точное время открытия. — Он помолчал. — И карта нексусов КАР. Если она существует. Она смотрела на него ровно. Карта нексусов была засекречена на уровне «совершенно секретно»; о её существовании в России знали шестнадцать человек — теоретически пятнадцать, потому что шестнадцатый только что произнёс «если она существует» с интонацией человека, который знает, что она существует, и оставляет ей пространство для отрицания. — Третий вопрос, — сказала она и дала ему время напрячься. — Почему сейчас? Вы работаете с этим несколько недель, а запрос пришёл только вчера. — Позавчера ночью четыре человека пришли к квартире Иванова, — сказал он. — Двое не ушли. Кто-то знает, что мы нашли. Время работать аккуратно — кончилось. Рожкова молчала. Нападение на Иванова только что перестало быть инцидентом и стало отметкой на шкале. Она выровняла папку по краю стола — жест, за который в другом человеке поставила бы минус. Потом открыла её. — КАР. Разломы Мора, шесть локаций. Энергетические профили, медицинские сводки. Он работал молча, и Рожкова это ценила: люди, которые думают вслух, выдают процесс, а её интересовал результат. Козлов читал хаотично: открыл несколько папок одновременно, разложил три страницы рядом, одну поверх другой под углом, энергетический профиль

Владивостока — рядом с медицинской сводкой Ухты. Достал блокнот и простой карандаш, заточенный ножом. Сначала он читал — медленно, как читают то, что нужно усвоить, — и только потом ставил на полях точки. Карандашные точки вместо слов: его собственная система разметки. Рожкова думала о его ауре, о том, что видела в поле: она уходила вниз, к тому, чего у живых быть не должно. При этом он читал документы с концентрацией, которая требует кровотока, нервной системы, живой физиологии — всего того, чего у мёртвых нет. Он был живой. С поправкой. В комнате стояла тишина, за окном — февральское небо и пустой двор. Кофе принесли до его прихода, и он давно остыл; Рожкова всё равно сделала глоток и поморщилась: на вкус — бумага. Козлов перелистнул страницу, поставил точку, переложил два листа местами. Её аналитики работали с этими данными одиннадцать месяцев и нашли географическую концентрацию Разломов Мора — факт, зафиксированный и необъяснённый. Козлову понадобилось двенадцать минут, чтобы подтвердить все шесть локаций и заложить седьмую. Через двенадцать минут он поднял голову — так поднимает голову человек, который нашёл то, что искал. — Карту нексусов, — сказал он. Рожкова не спешила с ответом. Карта лежала в той самой папке, отложенной в сторону: она ждала, пока поймёт, зачем она ему, и теперь понимала. Она достала её и разложила на столе — шесть листов А3, склеенных в единое полотно, скотч по краям. Козлов взял карту обеими ру-

ками, посмотрел, потом достал из блокнота листок с точками, числами и соединительными линиями — и сравнивал. Рожкова глянула на часы: ровно тридцать секунд. — Восемь из девяти, — сказал он. — Архангельск совпадает с северной точкой. Девятая — Москва. — Что именно совпадает? — спросила она, потому что хотела услышать его формулировку. Он перевернул свой листок и положил на стол между ними. На самодельной карте стояло девять точек; рядом с каждой — дата и короткая пометка, у шести — красные метки. В правом верхнем углу ровным почерком было выведено: «Нексус. Работа. Не природа». Рожкова посмотрела на эти три слова, потом на него. — Когда вы это составили? — Пять дней назад. Без данных КАР уверенно подтверждались шесть локаций. С данными КАР — восемь. Девятую, Москву, я знал до всех документов. Большая Ордынка, 2004 год. Первый документально зафиксированный аномальный объект. Официально — незначительный. Фактически — нексус, который готовили. Рожкова поставила кружку на стол. Одиннадцать месяцев, трое лучших аналитиков с полным доступом к данным КАР — и никто не увидел географической закономерности. Козлов увидел её за двенадцать минут, потому что не искал схему в документах: он проверял ту, что уже держал в голове. Метод другой. Рожкова прикинула, во сколько Комитет оценил бы такой метод, и не смогла прикинуть — рынок таких методов не знал. — Медицинские данные, — сказал он. — Лихорадка. — У персонала оцепления,

— подтвердила она. — В каждой из шести локаций с биологическими данными: жар, ломота в суставах, бессонница, исчезающая при выходе из зоны. — Семь смертей. В ваших файлах, в примечаниях, раздел «гражданские инциденты». Астраханская область — трое, Красноярский край — двое, Приволжье — двое. Рожкова смотрела на него. — Вы читали примечания к разделу «гражданские инциденты». За двенадцать минут. — Читал быстро — знал, что искать. Лихорадка, Е-ранг. Двенадцать Сестёр, демоны болезни, появляются в Разломах Мора. Три симптома: жар, ломота, бессонница. Смертность у слабых — до пяти процентов в нетренированной группе. — Персонал оцепления — не охотники. — Да. Они смотрели друг на друга. Рожкова думала о семи смертях в примечаниях — семь человек, которых Комитет поместил в раздел, который читают только те, кто знает, где искать. Козлов знал. — Кто-то готовил нексусы, — сказал он. — Разломы Мора созданы искусственно, это инструмент подготовки. Лихорадка в каждой локации — часть процесса: биологический маркер того, что барьер перестраивают. Под чьё-то присутствие. — Присутствие кого? Он не ответил сразу. — Того, кто умеет работать с барьером на уровне ниже нексусов. И у кого есть причина делать это в девяти точках одновременно. Рожкова встала — стоя она думала лучше, давняя физиологическая особенность, которую она давно перестала скрывать. Подошла к окну. Во дворе хлопнула дверца машины, и почему-то именно этот звук — обыч-

ный, живой — обозначил контраст сильнее любых формулировок. Нексусы. Разломы Мора как инструмент. Лихорадка в зонах оцепления, семь смертей в примечаниях. Иванов, которого пришли убить позавчера ночью. Она не спрашивала себя, правда ли всё это, — она прикидывала, насколько это хуже, чем казалось месяц назад. Ответ ей не понравился. — Козлов. Что вам нужно? Он смотрел на карту нексусов так, как смотрят на то, что уже стало частью внутренней картины. Потом поднял взгляд. — Три вещи. Первое: данные по девятой точке. Москва, Замоскворечье — что КАР знает о состоянии барьера под этим нексусом. Второе: архив нападений на охотников в зонах Разломов Мора за три года. Организованные атаки, исполнители — люди. КАР их фиксировал. Третье... Рожкова ждала. — Третье: я хочу знать, что вы видели в водном секторе. Когда смотрели Зрением. Она отметила, что третий вопрос он поставил последним именно потому, что он был настоящим. — Вашу ауру, — сказала она. — Она уходит вниз. Не к земле. Глубже. — К Нави. — К тому месту, куда уходят мёртвые. Он коротко опустил голову — принял к сведению, как принимают лабораторный результат. — Вы видели Дениса. В водном секторе. Он стоял рядом с вами. — Видела. — Хорошо. Вы видели ещё кого-то? Рожкова подумала о том, что значит «ещё кого-то» в его системе координат. — Молодого мужчину. Рядом с вами. Восставший. — Артём Сенин, Z-ранг. Погиб в Лабиринтном Разломе в Замоскворечье. Вернулся сам, без принуждения.

— Я знаю, что без принуждения. Это было видно через Зрение. Что-то в нём на секунду дрогнуло — Рожкова не стала называть это даже про себя, просто сложила в память. — Тогда вы понимаете, что он не угроза. — Понимаю, что он не угроза. Это не отменяет вопросов, которые есть у государства. — У государства нет к нему правовой категории. Это другое. Раздражающее свойство этого разговора состояло в том, что его формулировки оказывались точнее её собственных, а с ней такое случалось редко. — Козлов. Ваш первый запрос — данные по московскому нексусу. Это выходит за рамки стандартного межведомственного обмена. Второй — архив координированных атак, военный раздел КАР. Там нужна санкция уровнем выше моего. — Понимаю. — Понимаете — и всё равно спросили. — Спросил, потому что вы тот человек, который решает, нужна ли санкция. Позавчера ночью агенты пришли к квартире профессора РААНИ. Это давно уже не академический вопрос. Рожкова стояла у окна. Сорок минут прошло, а по ощущениям — десять. «Родина», Крат, три слоя посредников — она читала такие документы и знала, как они выглядят. Нексусы кто-то готовил: девять точек, семь смертей в примечаниях. Если не она — то некому. — Данные по московскому нексусу пришлю завтра утром. Архив атак — послезавтра, санкцию обеспечу сама. Ухта и Красноярский край: я пойду с вами. Он смотрел на неё внимательно. — Хорошо, — сказал он, и в этом «хорошо» не было ни благодарности, ни облегчения — только фиксация.

Он собрал папки аккуратно, в том же порядке, в котором получил; карту нексусов свернул вдоль линии скотча, попросил разрешения сфотографировать, сфотографировал и положил обратно. Встал, надел куртку. — Козлов. Он обернулся. — В Орехово-Борисово. Когда вы посмотрели на меня в Разломе — вы видели меня или то, что я несу? Впервые за весь разговор ему понадобилось время. — Зрение Нави показывает нити судьбы. Не только ауры. Я видел вас. — И? Он молчал. Потом застегнул куртку. — Данные по московскому нексусу — завтра утром, вы сказали. Рожкова смотрела на него. — Завтра утром, — подтвердила она. Он кивнул и вышел. Дверь закрылась без звука — человек, который знает, как закрывают двери. Рожкова стояла в пустой комнате. На столе, в полях её документов, остались его карандашные точки — маленькие, аккуратные, чужая система. На вопрос про нити судьбы он не ответил, а это означало, что ответ был. Она убрала бумаги, подняла холодную кружку и сделала глоток, хотя пить это уже было невозможно. Всеволод Павлович Иванов живёт в квартире Козлова — она знала это из утренней сводки. Артём Сенин, двадцать лет, Z-ранг, мёртвый и не совсем, стоит рядом со своим некромантом в закрытых Разломах и говорит «двое справа» тихим голосом. А некромант из реестра РПРФ задаёт вопросы, на которые у неё нет готовых ответов. Уже второй раз за две недели. В её профессии «нет готовых ответов» обычно означало «самое точное». Она взяла телефон и набрала Светлова. — Светлов,

мне нужна санкция уровня три на архив координированных атак в зонах Разломов Мора. И забронируй два места в Ухту на следующую неделю. — Понял. Нужно ли мне знать имя второго места? Рожкова посмотрела на стол — на чужие карандашные точки. — Козлов Игорь Андреевич. Старший регистратор РПРФ. Светлов умел молчать так, что молчание становилось комментарием. Сейчас он молчал именно так. — Понял. Связь прервалась. Рожкова последний раз осмотрела комнату: всё на своих местах — стол, стулья, окно на пустой двор. Кроме одного: через неделю они оба будут в Ухте, в закрытой зоне объекта класса выше «А». Первый раз за пять лет она не контролировала, куда идёт разговор.

Глава 12

Разлом появлялся три раза за восемь месяцев — один и тот же, который открывался, закрывался и открывался снова. Постоянная аномалия. Игорь читал отчёты о предыдущих двух зачистках утром, стоя у плиты, потому что стол занимала карта; кофе сварил и забыл выпить. Первый выход — февраль. Группа Фёдорова. Потери: один. Охотник Максим Соловьёв, двадцать шесть лет, ранг Z. Фёдоров в пояснительной записке написал: «Субъекты не атаковали. Соловьёв атаковал сам. Это было ошибкой». Второй выход — май. Другая группа, другой командир. Потери: двое. В пояснительной записке второй командир написал меньше. Видимо, меньше понял. Третий выход — сегодня. Группа Фёдорова снова. Либо оптимистичное решение, либо единственный охотник E-ранга в Подмосковье, который соглашался идти сюда ещё раз. Игорь допил холодный кофе и пошёл собирать рюкзак. Денис ждал у машины в 07:40 — на двадцать минут раньше. Его особенность: никогда не опаздывал, всегда появлялся раньше нужного, с видом человека, которому приятно ждать. — Ты читал отчёты? — спросил Игорь. — Да. — И? — Лешаки, — сказал он без той интонации, которую обычно добавляют к этому слову охотники, просто как факт. — Территориальный вид. E-ранг по аномальной энергии, но в своей среде — выше. — Нулевое. — В базе

РААНИ — нулевое. — Денис убрал телефон в карман. — Что ты улыбаешься? — Ничего. — Игорь открыл дверь. — Едем. Из Китежа не было звука: Артём вышел во втором часу ночи, выпил воды и вернулся. Игорь слышал шаги, но Артём не спрашивал про завтрашний выход — он знал. Разлом располагался за Серпуховом: объезд промышленной зоны, гравийная дорога, поле, и через полчаса понимаешь, что дальше машин не будет. Фёдоров стоял у фургона. — Козлов, — сказал он, коротко кивнув. — Орлов. — Фёдоров, — сказал Денис с той лёгкостью, с которой здороваются люди, которым всегда рады, даже если ещё не решили. — Хорошая погода для Разлома. — Всякая погода одинакова внутри. — Это философски. — Наблюдение. Остальная группа была незнакомой — не те, что в прошлый раз. Трое: Маг-Δ с видом человека, раздражённого ещё до того, как что-то произошло. Витязь, который двигался чуть тише, чем должен человек его роста. Молодая Следопыт с ранговым браслетом Е — взгляд замечал слишком много одновременно. Игорь ценил людей, которые замечали слишком много: у них нет привычки игнорирования. Второй Восставший вышел из Китежа, пока Фёдоров инструктировал группу. Что-то из Z-ранга, крупное, с четырьмя руками; природа числилась в РААНИ как «гибридный нав-биом, подтип неуставленный». — Это что? — спросил Маг. — Восставший. Внешний периметр, ближний фланг. — Он не будет нас слушаться. — Будет слушаться меня. Маг посмотрел на Фёдорова, который

смотрел на Разлом. — Идём, — сказал он. Предпорожье 3 было старше — биом с памятью. Двойка под Москвой была молодым биомом: неустойчивым, с монстрами, которые вели себя как захватчики. Здесь деревья — не совсем деревья, но структурно деревья — имели объём и корни, уходившие в грунт достаточно глубоко, чтобы работать как что-то большее, чем питание. Нав-энергия не фонила хаотично — текла по направлениям. Этот биом знал свою геометрию. Игорь шёл пятым, за Денисом. Артём остался в Китеже — их молчаливое соглашение последней недели: внутри работаем сами, Артём подстраховывает. — Контакт левее, метров тридцать, — сказала Следопыт тихо. Игорь уже знал — видел ауру раньше. Е-монстр, стайный, из тех, что держатся по периметру и не атакуют без численного превосходства. — Вижу, — сказал он в той же манере. Следопыт посмотрела на него, потом снова вперёд и не спросила, как он видит — хорошо. Лешаки появились на второй трети маршрута — появились, не атаковали, и разница фундаментальна: если видишь появление как атаку, можно не заметить главного. Их было пятеро. Биом давал лешакам материал для роста: тот, что стоял ближайшим, был метра два с половиной, плечи из живой коры — буквально кора, тянувшаяся нитями вниз, в грунт. Руки слишком длинные, узловатые, с текстурой очень старой выдержанной древесины. Лица — то, что РААНИ обозначила как «частичная антропоморфность»: два глаза, нечто, напоминающее нос, нечто, напоминающее рот. Всё остальное

— лес. Они смотрели, и группа остановилась. — Спокойно, — сказал Фёдоров негромко. Команда адресовалась Магу, который уже поднял руку с зарядом на полузамахе. — Это Дранг: пятеро, а нас семь. — Нас шесть, — поправил Денис. — Семь — если считать Восставшего. Но тогда считаем иначе. — Как иначе? — «Мы их больше» тут не работает. Работает «они у себя дома». Это меняет расчёт. Лешаки не двигались. Игорь смотрел на старшего — определял по нескольким признакам сразу: аура уходила в грунт глубже остальных, четверо ориентировались на него в движении, он первым заметил Игоря. Зрение показывало ясно: лешак видел его ауру и читал её так же, как Рожкова неделю назад, — только Рожкова испытала что-то вроде профессионального любопытства, а лешак не испытывал ничего. — Отпусти оружие, — сказал Игорь негромко, без давления. Маг посмотрел на него. — Это не лучший момент для — — Отпусти оружие. Пожалуйста. Маг опустил руку. Игорь вышел вперёд. Плана не было — рабочий режим: в ситуациях без учебника правила пишешь по ходу, главное — не делать ничего, что нельзя будет исправить. Старший лешак ждал. Игорь встал в четырёх метрах и смотрел. Лешак смотрел в ответ. Потом Игорь замолчал внутренне — перестал составлять следующее предложение, перестал оценивать ситуацию через формулировки. Стоял. Сердце стало громким, между лопатками — холодное, острое. Нав-энергия биома перестала фонить ровно в точке, где они стояли. Лешак сказал что-то — глубже язы-

ка: звук, в котором был смысл без грамматики, намерение без оболочки слова. Игорь понял достаточно. — Мы не пришли брать, — сказал он медленно, с паузами, потому что пауза в этом контексте работала как знак препинания без словаря. — Мы пришли пройти. До места. Обратно. Старший лешак опустил взгляд к земле, потом поднял и, очень не торопясь, отступил в сторону — достаточно, чтобы между ними открылся проход. — Это что сейчас было? — очень тихо спросила Следопыт. — Переговоры, — сказал Денис. — Не похоже на переговоры. — Знаю. Иногда самые эффективные — как раз такие. Артём вышел из Китежа в центральной части Разлома — Игорь открыл его, как открывают дверь, и Артём воспользовался. Появился в центре, где нав-энергия была плотнее. Лешаки не тронулись, но старший поднял голову. Несколько секунд он смотрел на Артёма иначе, чем на Игоря: если Игоря читал как нечто, относящееся к Нави со стороны живых, то Артём был изнутри. — Ты мёртвый, — сказал он — медленнее, чем в первый раз, как говорят с теми, кто знает язык, но помнит нечётко. Артём не дрогнул — некоторые слова перестают быть болезненными, когда становятся правдой. — Да, — сказал он. Лешак качнул головой — подтверждение вещи, которую уже понял. Потом отступил ещё на шаг, и четверо остальных отступили следом, без команды. Маршрут открылся полностью. Фёдоров стоял за Игорем — на полшага правее, в позиции опытного командира, который передаёт инициативу тому, кто знает лучше. —

Он говорил? — сказал Фёдоров негромко, когда группа двинулась. — Да. — Слова не дошли. — Первое было не словами. — А второе? — Слышал. — Что он сказал? — Что Артём дважды мёртвый. Они прошли несколько шагов молча. — И Артём ответил. — Да. — И лешак принял. — Да. Фёдоров смотрел вперёд. — Двадцать два года полевой работы, — сказал он. — Первый раз, когда понимаю, что не понимаю. — Это хорошо, — сказал Денис. — Не утешение, Орлов. — Нет. Но правда. Касание Нави произошло в среднем секторе. Монстр прорвался сбоку из зарослей — биом третьей звезды иногда активно скрывал укрытия. Е-ранг, одиночка, шёл на Следопыта. Игорь был ближайшим. Рука вышла рефлекторно — он поймал за запястье лешака, оказавшегося в метре сбоку, и тот замер на три секунды: полная остановка, как стоп-кадр. За эти три секунды Маг накрыл угрозу разрядом, Витязь подхватил Следопыту, которая успела отскочить, монстр упал. Потом лешак снова двинулся. Игорь убрал руку. Лешак посмотрел — без враждебности, с видом того, для кого что-то было непривычным, но не обидным. Продолжил движение. Фёдоров стоял в двух метрах. — Ты что сделал? — Не знаю точно. — Он замер на три секунды. — Да. — Предупреждай, когда делаешь что-то такое. — Я не знал, что буду делать что-то такое. — Тогда предупреждай постфактум. — Хорошо. Следопыт уже встала — смотрела на него с видом того, кто ничего не пропускает. — Спасибо, — сказала она. — Случайность. — Нет, но спасибо. Кто-то

из группы выдохнул. Игорь не понял, кто. Дальше шло легче. Разлом 3 в Подмосковье не стал безопасным — просто лешаки держали периметр. Договора не было: Игорь не приносил слов о сотрудничестве, не предлагал обмен, а лешаки шли параллельно, по флангам, метрах в пятнадцати. — Ты понимаешь, что происходит? — Денис шёл рядом. — Не полностью. — Они идут с нами. — Вижу. — Это первый раз в задокументированной истории. — В базе РААНИ — первый, — поправил Игорь. — Думаешь, было ещё? — База РААНИ фиксирует то, что люди успевают записать. Лешаки существуют дольше, чем люди фиксируют. Денис качнул головой. — Справедливо. Зачистка заняла четыре часа. Без потерь в группе. Обратный путь — по центральному маршруту. Выход был в семидесяти метрах, когда из правого тупика донёсся смех: тихий, почти приветливый. Денис поморщился. — Вы не заходили туда при первом выходе? — спросил он у Фёдорова. — Нет. — Понятно. — Почему «понятно»? — начал Фёдоров. — Я слышал, что ты говоришь с ним на повышенных, — вдруг сказал Маг, повернувшись к Денису; голос ровный, никакого повода для конфликта. — Не говорил на повышенных. — Звучало чётко. — Я объяснял маршрут. — Звучало как разногласие. — Профессиональное уточнение. — Тебя попросили молчать о маршруте — Фёдоров поднял руку. — Стоп. Игорь уже смотрел на тупик. Зрение Нави показывало трёх: Е-Δ по нижней границе, маленькие, с аурами, которые не светились — создавали нечто

вокруг себя, лёгкое, почти незаметное поле. Один уже зашёл в зону между Денисом и Магом. Раздражение и недоверие, которых не было секунду назад. Анчутки питаются серьёзностью. Смех её уничтожает. Мелкий шрифт в конце раздела бестиария — Игорь помнил. Он засмеялся. Два бойца, прошедших Разлом 3 без потерь, ругались из-за маршрута, который оба помнили одинаково — было над чем. В полной тишине Разлома это звучало странно — Фёдоров молчал, Маг молчал, Следопыт смотрела. Анчутки рассеялись — исчезли по одному, без видимого движения. Игорь перестал смеяться. — Ты только что засмеялся, — сказал Фёдоров. — Тактика. — Непохоже. — Знаю. Денис посмотрел на место, где только что стояли трое. — Вы ссорились по поводу маршрута, который оба помните одинаково, — сказал он. — Это были не вы. Маг помолчал секунду. — Согласен. Извини. Непривычно короткая развязка. Конфликты, начавшиеся снаружи, разрешаются, когда снаружи убирают. На выходе стояли двое лешаков — старший и один другой. Смотрели, как группа проходит мимо. Игорь шёл последним. Когда поравнялся со старшим, тот сказал — снова намерением, без слов — нечто, что Игорь перевёл как «ты вернёшься». Констатацию, без вопроса и без приглашения. Игорь качнул головой и шагнул в портал. Снаружи было серо. Группа стояла у фургонов. Маг с термосом. Следопыт проверяла оборудование. Фёдоров стоял у переднего фургона. Смотрел на Игоря с выражением, которое Игорь видел один раз раньше:

Орехово-Борисово, три недели назад. «Я не знаю, что ты делаешь. Но продолжай». — Три раза в эту локацию, — сказал Фёдоров без адресата, как говорят вслух то, что следовало бы оставить внутри. — Первый раз — потеря. Второй — две потери. Третий — без потерь, с лешаками-проводниками. Игорь не ответил — это был момент, когда молчание правильнее. Артём вышел из Китежа рядом. — Нормально прошло? — Нормально. — Что с рукой? Игорь посмотрел на правую ладонь: тонкая белая линия — след от касания, без боли, без воспаления. — Когда держал лешака за запястье. Не знаю точно, что произошло. — Он замер на три секунды. — Да. — И не получил по лицу. — Нет. Артём помолчал. — Наверное, хорошо. Денис ждал у второго фургона — с видом человека, который сделал выводы и один не понравился. — Анчутки, — сказал он. — Анчутки, — согласился Игорь. — В этом Разломе они третий раз, а в первых двух отчётах не упомянуты. — Денис помолчал. — Либо их не было, либо они были, но их не заметили. — Скорее второе. — Да. — Денис помолчал ещё. — Если они были в первых двух — то знаешь, что это означает. Игорь знал. Первый выход: Соловьёв атаковал лешаков сам — потому что «это было ошибкой». Второй выход: двое погибли, командир написал «аномальное поведение группы». Раздражение, паранойя, решение, которое не было твоим решением. — Возможно, — сказал Игорь. — Но доказать нельзя. — Нельзя, — согласился Денис. — Но это надо записать. — Запишу. Денис посмот-

рел на него. Потом — с той интонацией, которую Игорь слышал у него редко, конкретной и без лёгкости: — Ты три раза остановил что-то нестандартным методом: лешак с договором, Навка по имени, лешак за запястье. Есть схема? — Я вижу. — Ты понимаешь, что это означает? — Означает, что некоторые существа видят мою ауру и реагируют иначе, чем на обычного Пробуждённого. — «Иначе» — мягко сказано, — наконец произнёс Денис. — Анастасия Рожкова едет с нами в Ухту. — Знаю. — Она видит ауру лучше, чем я. — Знаю. — Тогда готовься объяснять. — Я и так объяснял. — Не в Ухте. — Денис убрал руки в карманы. — В Ухте будет третий Разлом Мора, который мы трогаем руками с начала расследования. Там всё будет ярче. Игорь смотрел на гравийную дорогу, уходившую к Серпухову. Три выхода: лешак с договором, Навка по имени, лешак, замерший на три секунды, белая линия на правой ладони. Что-то в ней оставалось неклассифицированным — без боли, без тревоги, просто новый параметр. — Едем? — спросил Артём сзади. — Едем, — сказал Игорь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.